

Максим
Калашников
Сергей
Бунтовский

**НЕЗАВИСИМАЯ
УКРАИНА
КРАХ ПРОЕКТА**

КНИГА – РАССЛЕДОВАНИЕ

**Сергей Бунтовский
Максим Калашников**

Независимая Украина. Крах проекта

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181955
Независимая Украина. Крах проекта: Фолио; М.: 2009
ISBN 978-5-94966-188-8*

Аннотация

Десятилетия Советской власти в головы школьников и студентов вбивался тезис о братских восточнославянских народах – украинцах и русских. Такая постановка вопроса не вызывала возражений, и уже для большинства наших сограждан наличие двух братских, но разных народов стало аксиомой. Однако, уважаемый читатель, если украинцы – это отдельный народ, то попытайтесь тогда ответить на пару простых вопросов. Например, когда появился на свет этот «другой», нерусский народ? Где он возник? Когда переселился на земли Киевской Руси? На каком языке он говорил? Вроде бы элементарные вопросы, но дать на них ответы оказывается почему-то необычайно сложно. А те ответы, которые нам предлагают украинские национально-озабоченные деятели, в лучшем случае вызывают смех. Согласно современной украинской мифологии, украинцы – это вовсе не русские, а особая нация, с собственной древней историей, культурой и со своим языком. Этот отдельный народ всегда стремился создать свое собственное государство, но ему постоянно мешали внешние силы. Основная опасность этого национального мифа – принятие русофобства в качестве основной национальной идеи и создание образа врага. Причем врагом воспринимается не только соседнее государство, но и большая часть населения Украины, получившая клеймо внутреннего врага. Соответственно, страна еще больше раскалывается, нарастают противоречия между Западом и Востоком, и если этот процесс не остановить, то Украину может ожидать печальная судьба Югославии.

Печатается в авторской редакции.

Содержание

Часть первая	4
Вместо введения	4
Украинский миф	6
Из глубины веков	8
Истоки государства Русского	10
Киевская Русь	13
Первые казаки	17
Восстания 30-х годов XVII века	21
Хмельницкий	24
После Хмеля	33
Андрусовское перемирие	37
Дорошенко	40
Мазепа	45
Миф о «батуринской резне»	48
Орлик и его «конституция»	50
Что же все-таки произошло с Сечью?	52
Рождение украинства	55
Украина – это что такое?	55
Рождение зверя	57
Польский папа свидомитов	61
Российская империя. Как это было	64
Идеолог великодержавности	64
Из грязи в князи	65
При матушке царице	65
Соткавший славу из побед	66
Страшный запрет. Или не страшный? Или не запрет вовсе...	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Максим Калашников, Сергей Бунтовский Независимая Украина. Крах проекта

Часть первая Украинствующая химера, или Малороссийские хроники

Вместо введения Встречи с украинствующими

Летом 2007 г. мне, Сергею Бунтовскому, пришлось побывать в Одессе. В это же время в Южной Пальмире проходили НАТОвские учения и достаточно мощные антинатовские митинги. Понятное дело, что, увидев агитационные палатки под русскими флагами у Потемкинской лестницы, я направился пообщаться с активистами. Тут мое внимание привлекли крики, раздавшиеся за моей спиной. Оборачиваюсь – группа мужчин, размахивая руками, ожесточенно чего-то требуют от милицейского патруля. Решаюсь подойти поближе – вдруг происходит что-то интересное? И не ошибся. Оказывается, это нацсвидомые требуют, чтобы сотрудники милиции убрали антинатовский агитационный пункт.

Особую злость у них вызывал наш триколор, который они именовали не иначе как «флаг враждебного государства». Причем все украинские нацисты говорили исключительно по-русски. Милиционер минут пять пытался объяснить, что все законно, но, в конце концов, махнул рукой и пошел прочь. А нацисты не унимались. Более того, они двинулись к палатке, и у меня появилось ощущение, что сейчас начнется погром. Поэтому я встал у них на пути и поинтересовался, а чем это им мешает русский флаг. Что тут началось! «А, это твой флаг! Убирай его немедленно, пока мы тебя не...» Тут я опушу подробности, поскольку самым мягким обещанием было забить мне в горло древко от флага. Пришлось несколько остудить их пыл предложением: «Попробуйте, рискните!» Что-то решимости у оппонентов тут же заметно поубавилось. Зато они стали апеллировать к окружающим с требованием осудить меня. Правда, отклика их призывы не нашли. Более того, когда нацист выдал фразу: «Ты нам голодомор устроил!», уже не выдержали и зрители. Брызжущему слюной оратору мягко намекнули, что я по возрасту не мог устраивать голодомор, так что ври-ври, да не завирайся. Но это его не смутило: «Какая разница! Это был его дед или прадед!» Вот в таком духе происходило и дальнейшее общение. Особенно мне понравился следующий убойный аргумент: «Нашему Киеву полторы тысячи лет, а вашей Москве – восемьсот, так что молчите». Ну, во-первых, после нашествия Батяя Киев перестал существовать физически, и почти два века Киевщина была безлюдной пустыней. Так что никакого отношения эти так называемые «украинцы» к нашему древнему государству не имеют вовсе. Наоборот, на Северо-Востоке Руси, ныне называемой Российской Федерацией, сохранилась преемственность, идущая от Святого Владимира. Во-вторых, аргументацию «кто старше – тот и главнее» трудно назвать иначе, чем убогой. Америке и трех веков нет, но она правит миром.

К вновь подошедшим милиционерам они обратились со словами: «Это агент Москвы, проверьте его документы!» Потом свидомые стали требовать, чтобы меня задержали, так как я якобы их оскорблял. Поэтому меня надо доставить в РОВД, а там они напишут на

меня заявление. И так далее. Если они думали меня этим запугать, то не вышло. Я в ответ предложил направиться всем в РОВД, так как я тоже намерен подать заявление на них. Эх, как передать словами изменение их гримас? Они вдруг вспомнили, что все спешат по делам и под насмешки горожан поспешили ретироваться.

Еще несколько раз мне приходилось сталкиваться с «сознательными украинцами». И каждый раз поражала их агрессивность и безграмотность. Все их аргументы укладывались в десяток пунктов о древности украинской нации, ее извечном угнетении москалями и жидами, и иногда звучали слова о «спивучости мовы». Самое поразительное, что иногда свидомые в разных городах говорили, буквально дословно повторяя друг друга. Такое ощущение, что всем им в головы вложили одну и ту же программу, за рамки которой они не способны выйти. Эдакое зомбирование. Причем спорить с такими людьми абсолютно бесполезно, все равно, что со свидетелями Иеговы – полная неспособность думать логически. Единственная разница в том, что если свидетелей культурно попросить удалиться, те уходят, а вот «свидомиты» могут и в драку кинуться или еще какую подлость сделать... Так что «сознательные украинцы» – это просто очередная секта, со своей мифологией, отягощенной комплексом неполноценности. Чтобы не путаться в терминах, назовем их «свидомитами» для отличия от нормальных жителей Украины, которых сейчас называют украинцами, не делая различия между галичанами, малороссами, дончанами и крымчанами.

А кстати, откуда украинцы-то взялись?

Десятилетия Советской власти в головы школьников и студентов вбивался тезис о братских восточнославянских народах – украинцах и русских. Такая постановка вопроса не вызывала возражений, и уже для большинства наших сограждан наличие двух братских, но разных народов стало аксиомой. Однако, уважаемый читатель, если украинцы – это отдельный народ, то попытайтесь ответить на пару простых вопросов. Например, когда появился на свет этот «другой», нерусский народ? Где он возник? И когда переселился на земли Киевской Руси? На каком языке он говорил? Вроде бы элементарные вопросы, но дать на них ответы оказывается почему-то необычайно сложно. А те ответы, которые нам предлагают украинские национальноозабоченные деятели, в лучшем случае вызывают смех. Ну что же, в этой работе мы попробуем доискаться правды. Многие факты, которые мы приведем, уже не раз были опубликованы, но, к сожалению, до сих пор они практически неизвестны широкой публике. Так что, готовя эту работу, я опирался на многочисленные документальные исследования и справочный материал. Правда, поскольку книга первоначально задумывалась исключительно как внутреннее пособие по украиноведению для членов организации «Донбасская Русь», я не везде указывал источники тех или иных приводимых данных или цитат. Думаю, этот маленький грех мне простят и цитируемые авторы, и читатели. Всем же заинтересовавшимся данной проблематикой рекомендую ознакомиться с фундаментальным исследованием «Происхождение украинского сепаратизма» историка-белоэмигранта Николая Ульянова, работами Александра Каревина и Андрея Дикого, книгами наших современников Сергея Родина, Алексея Орлова, Сергея Сидоренко, статьями полтавчанина Виктора Шестакова, дончан Алексея Иванова и Виктора Чернышова, а также многих других честных историков, публицистов, писателей.

А затем Максим Калашников, ознакомившись с текстом, предложил дополнить его второй частью – о возможном будущем «независимой Украины» и Русского мира. В итоге получилась эта книга, где первая половина – это Бунтовский, а вторая – Калашников.

Ее мы и представляем на ваш суд, читатель.

Украинский миф

И в школах, и в вузах на Украине изучается такой интересный предмет, как история Украины. Миллионы школьников сдают экзамены, получают законные оценки, только вот что они учат? Может быть, последовательность исторических событий? Нет, дорогие мои, в школе изучают не историю, а миф. Думаете, шучу? Нет, сам за партой штаны просиживал, пятерки получал. Конечно, мне возразят, что исторические мифы – явление не исключительное. Они всегда присутствовали в истории любого государства. Любой народ неизбежно создает легенды о себе, а потом начитает в них верить. И, выполняя сознательный заказ заинтересованных лиц или отвечая на бессознательные запросы публики, историки толкуют события в нужную сторону. Так появляется исторический миф. Миф подменяет собою целые пласты национальной истории, по-своему трактует исторические понятия, оправдывает и преподносит в выгодном свете негативные явления и события, безбожно перевирает, а иногда и отвергает всеми признанные факты. Мы сейчас можем видеть украинский миф в действии. Он овладел умами миллионов и уже воспринимается ими как данность. Он вышел за рамки исторической науки, формируя внешнюю и внутреннюю политику украинского государства. А в 2004 году, выплеснувшись людской массой на Майдан, миф стал движущей силой истории. Этот миф создает новое общество, руководствующееся не здравым смыслом и реальными историческими ценностями, а иллюзиями, причем далеко не безопасными. Так в чем же заключается украинский миф, над упрочнением и реализацией которого работают целые государственные институты? Давайте кратко рассмотрим основные тезисы мифа.

Согласно украинской мифологии, украинцы – это вовсе не русские, а особая нация с собственной древней историей, культурой и со своим языком. И, если верить свидомитам (*образуем это слово от «национально свидомых» – излюбленная самохарактеристика украинских националистов-русофобов*), этот отдельный народ всегда стремился создать свое собственное государство, но ему постоянно мешали внешние силы. В рамках этой концепции навязывается утверждение о том, что история Древней Руси – это и есть история Украины. Киев – украинский город. Владимир Великий – украинский князь. «Русская правда» – украинский правовой кодекс. И так далее. Об этом не только пишут в школьных учебниках, но даже на украинских гривнах помещены портреты Владимира Святого и Ярослава Мудрого. А многие свидомые ученые идут дальше, пытаясь вывести происхождение украинского народа от трипольцев – полукочевого-полуоседлого народа, жившего на территории современных Румынии и Правобережной Украины в IV—III тысячелетии до нашей эры.

Особая часть мифа – это так называемая «ридна мова», которой пичкают наших детей в школах и детских садах. Обратите внимание, как хитро введено в оборот это словосочетание. Это наглядный пример манипуляции сознанием. Ведь кто будет протестовать против изучения родного языка. Понятное дело, никто. Только вот никто не поинтересовался, а для кого это украинский язык родной. На все попытки объяснить, что для миллионов граждан Украины родной язык – русский, следует объяснение: вы (ваши родители) просто забыли «ридну українську мову» из-за постоянной русификации. Хотя забыть родной язык можно только после черепно-мозговой травмы.

Разумеется, у свидомитов есть и собственный пантеон героев. Казалось бы, раз вы «приватизировали» тысячелетнюю историю русского народа, то можно выбрать в качестве национальных символов и былинных богатырей Святой Руси, и запорожских атаманов, и деятелей двадцатого века. Но выбор свидомитов всегда до ужаса односторонний: на щит поднимаются только те, кто боролся против русского народа, даже если это патологические убийцы и отъявленные негодяи.

Как мы уже упоминали, миф в той или иной мере существует у любого народа, так почему же украинский миф представляет опасность? Основная опасность свидомитского мифа в принятии русофобства в качестве основной национальной идеи и создании образа врага. Причем врагом воспринимается не только соседнее государство, но и большая часть населения Украины, получившая клеймо внутреннего врага. Миллионы жителей Юго-Востока объявляются бандитами, быдлом и пятой колонной Москвы. Соответственно, страна еще больше раскалывается, нарастают противоречия между Западом и Востоком... Если этот процесс не остановить, то боюсь, что Украину ждет печальная судьба Югославии.

Из глубины веков

Поскольку свидомиты стремятся всячески удлинить историю Украины, то, чтобы понять, когда появились первые идеи о существовании отдельного украинского народа, нам нужно будет окунуться в глубь истории. Начав с преданий старины глубокой, мы постепенно дойдем и до нашего смутного времени.

Пожалуй, сегодня нет ни одного человека на Украине, который бы не слышал про трипольскую археологическую культуру. О трипольцах ученые пишут монографии, писатели – романы, а люди, претендующие на звание украинской элиты, собирают коллекции трипольской керамики. Уже буквально сложился культ Триполья, хотя еще несколько десятилетий Триполье считалось всего лишь одной из многих археологических культур, коих на территории страны было открыто немало. Да, трипольская культура представляет определенный интерес для историков и археологов, но модной она стала лишь благодаря политической конъюнктуре, а именно заказу на создание древней истории украинского народа. Ведь практически все, кто сейчас пишет на эту тему, прямо или косвенно (насколько хватает порядочности) объявляют трипольцев предшественниками украинцев. Вероятно, этими горе-историками и их покровителями движет все тот же комплекс неполноценности, что и националистом, кричавшим мне о древности Киева, или нуворишем, выдумывающим себе аристократических предков, чтобы добиться уважения окружающих. Кроме того, «породнясь» с трипольцами, украинские националисты стремятся также доказать свое отличие от русских.

В чем же особенности трипольской культуры, что с ней носятся как с писаной торбой? Если верить восторженным статьям в отечественной прессе, то можно подумать, что это древнейшая цивилизация на земле, освоившая земледелие и давшая миру первые города. Да, конечно, трипольская археологическая культура – это заметное историческое явление. Впервые в средней полосе Европы широкий масштаб приобрели земледелие и выплавка металлов, но говорить о трипольцах как о чем-то экстраординарном нет никакого повода. Во-первых, в трипольскую эпоху так и не возникла письменность, а именно с ее появлением большинство современных исследователей связывает рождение цивилизации. Второй признак цивилизации – возникновение городов, то есть таких поселений, где источником дохода основной части жителей являются ремесло и торговля. Трипольские же поселения, несмотря на то, что некоторые насчитывали до двух тысяч домов, оставались типичными деревнями. Жители разводили коров и лошадей, возделывали окрестные поля костяными мотыгами, затем научились пахать на быках. Ремесло и торговля для трипольцев были явно второстепенным занятием. Когда почва вокруг поселения истощалась, трипольцы снимались с насиженных мест и перекочевывали на новые земли. Не были трипольцы и пионерами в земледелии и обработке металлов – тут, безоговорочно, пальма первенства за жителями Ближнего Востока.

В середине третьего тысячелетия до нашей эры трипольская цивилизация угасла, не оставив преемников. Единственное, что от них осталось, – это лежащие в толще чернозема пепелища городов с черепками расписных горшков.

Итак, стараниями многих мифотворцев от истории за последнее десятилетие был создан культ праукраинцев-трипольцев. Только вот, говоря словами одного нашего экс-премьера, хотели как лучше, а получилось, как всегда. Ведь какие можно найти доказательства идеи о том, что украинцы – наследники трипольцев? Кроме того, что часть трипольцев жила на территории Правобережья Украины, – никаких. Еще раз повторюсь: ЧАСТЬ трипольцев жила на территории современной Украины. Центр этой цивилизации находился на землях современной Румынии, а у нас была глухая периферия. Украина, говоря по-про-

стому. Не даром в серьезных источниках эту культуру называют трипольско-кукутенской, по названиям сел, возле которых в конце девятнадцатого века были впервые раскопаны древние поселения. Кто забыл: Триполье находится на Киевщине, а Кукутени, соответственно, в Румынии, около Ясс.

О родстве народов можно судить по их языку, но у трипольцев не было письменности, и поэтому их язык нам неизвестен. Как же можно утверждать о родстве двух языков, не имея ни малейшего представления об одном из них? Да и вообще, первые исторические упоминания о славянах появятся спустя две с лишним тысячи лет после гибели трипольцев. Верить, что все эти долгие века сохранялась какая-то преемственность, столь же наивно, как и в заявление некоторых политиков о руках, которые ничего не крали. Кстати, согласно наиболее вероятной версии, трипольцы принадлежали к доиндоевропейскому населению Европы, скорее всего, к синокавказцам. Один из наиболее авторитетных исследователей Триполья М.Ю. Видейко отмечает, что черепа трипольцев относятся к «армянскому» антропологическому типу. Так что озабоченным вопросами чистоты расы украинским националистам (а именно они чаще всего создают полушизофреничные байки о трипольцах-праукраинцах) стоит призадуматься.

Кстати, если уж искать предков в глубине тысячелетий, то, наверное, лучше обратить внимание на скифов. Этот воинственный народ создал на территории будущей Южной Руси первое государство, в собственном смысле этого слова, на равных противостоял греческим городам. Скифы совершали тысячекилометровые военные походы, верша мировую историю. В период расцвета сколотское (именно так они себя именовали, а скифами их назвали греки) государство занимало практически все Причерноморье. В третьем веке до рождения Христова их существенно потеснили сарматы, и на шестьсот лет наша земля на географических картах стала называться Сарматией. Именно во времена господства сарматов на историческую арену вышли и первые славяне.

Обратим внимание на тот факт, что скифы, как и родственные им сарматы, были ираноязычным народом. То есть их ближайшие родственники на сегодня – это персы-иранцы, курды, таджики, пуштуны (плюс некоторые народности в Афганистане) и осетины-аланы.

Истоки государства Русского

Сейчас существует огромное количество версий и гипотез о происхождении русского народа и первых веках нашей истории. Какая из них истинная – сказать невозможно. Ясно только, что русская история гораздо более древняя, чем считали историки-норманисты. Еще в дореволюционное время обращали внимание на то, что термин Русь упоминается гораздо раньше начала правления Рюрика в Новгороде. Точно так же остается невыясненным вопрос, кем же были русы и какое они имели отношение к славянским племенам, известным с первого столетия нашей эры. Ведь даже в сравнительно поздние времена Вещего Олега отличие славян от русов подчеркивается летописцами. Вариант первый: русы – это славяне. Тогда вопрос в том, русы – это отдельный род, племя или название людей определенной профессии, как, например, более поздние ушкуйники?

Вариант второй: русы – не славяне. Тогда кто? Германцы? Возможно, но не факт.

Историки насчитали в исторических материалах как минимум четыре прямых и восемь косвенных указаний на то, что до Киевской Руси существовало некое государство, носившее название русского, во главе которого стоял каган. Этот тюркский титул обозначает единоличного руководителя крупного государства и соответствует европейскому титулу императора. Это подчеркивает, что Русский каганат был независимым и довольно мощным образованием, способным самостоятельно определять свою политику. Однако его точное местоположение до сих пор неизвестно. Часть исследователей полагает, что он находился на севере Восточно-Европейской равнины, часть ученых считает, что это государство располагалось в районе Азовского моря.

По мнению Е.С. Галкиной (книга «Тайны Русского каганата»), центр этого государства находился в верховьях рек Оскол, Северский Донец и Дон. Русский историк и философ Сергей Перевезенцев называет это государство Аланской Русью и усматривает его истоки на Дону. Донецкий историк и публицист Алексей Иванов называет его Русским каганатом и очерчивает границы этого государства по линии Северский Донец – Дон – Азовское море на юго-востоке и Днепром на западе. Современная столица Украины также входила в состав этой цивилизации.

Долгое время господствовала версия, что это не отдельное государство, а часть Хазарского каганата. Это предположение сыграло роковую роль в изучении этой цивилизации. В советское время историческая наука Хазарский каганат практически не изучала. Естественно, что никто не изучал и историю, связанную с нашей территорией. Не изучается Русский каганат и в независимой Украине. А вот в России этому государству посвящаются статьи и целые книги. Еще в дореволюционное время обращали внимание на то, что термин «Русь» упоминается гораздо раньше начала правления Рюрика в Новгороде.

Сопоставив все имеющиеся исторические данные с археологическими находками, мы приходим к выводу, что Русским каганатом может быть только Салтовско-Маяцкая археологическая культура.

Это было одно из наиболее урбанизированных государств раннего Средневековья. Сейчас раскопано 25 городов, в некоторых из которых жило до ста тысяч человек. Для того времени это огромное население, ведь Париж в то время насчитывал всего двадцать тысяч жителей, а Киеве даже в XI веке жили не более сорока тысяч человек. Города Русского каганата были центрами торговли и ремесел. Особенно были развиты гончарное и ювелирное дело, металлургия. Русский каганат был торгово-военным государством, через которое проходили важные торговые маршруты из северной Европы в Византию и азиатские страны. Например, один из них начинался на южном побережье Балтики, затем шел по Днепру, Северскому Донцу, Дону и заканчивался на Северном Кавказе. Еще одна важная торговая

артерия, которую контролировали русы, – это всем известный путь «Из варяг в греки». Вдобавок, Русский каганат имел выход в море и вел активную морскую торговлю. Основными экспортными товарами были оружие, ювелирные изделия и рабы. Такая активность не могла не раздражать Хазарский каганат, еще одно военно-торговое государство, стремившееся к контролю над торговыми путями. Судя по всему, отношения двух каганатов были очень напряженными. Видимо, определенное время сохранялся паритет, и граница проходила по Дону.

Согласно данным археологии, эта культура каганата была смешанной алано-славянско-тюркской. На первых порах (с VI и до начала VIII века) главенствовал аланский компонент. Аланы – это индоарийский ираноязычный народ, потомки сарматов и предки современных осетин. Нужно заметить, что наш край долгое время был в ареале расселения иранских племен. Сначала это были скифы, затем сарматы, роксоланы, ясы, аланы. Именно из тех времен и остался в нашем языке корень «дон», означавший «река», в названиях водных источников. Так что названия Дон, Северский Донец пришли к нам из глубины веков. Затем территорию лесостепной полосы (ныне северная часть Донбасса) начинают заселять славяне. Одновременно и иранцы двигались вглубь славянских земель. Возникает симбиоз иранцев и славян, и каганат вполне можно назвать славянско-иранским государством. Кроме того, каганат населяли болгары, асы и даже выходцы из Скандинавии. К концу существования Русского каганата славяне составляли доминирующую часть его населения. И главное – они обладали высоким социальным статусом. Об этом можно судить по тому, что найденные славянские захоронения – это, как правило, богатые могилы.

Теперь, наверное, стоит рассмотреть происхождение термина Русь, русский. Корень «рус» – индоевропейского происхождения и означает «светлый, белый». Это значение оно сохранило в языке до наших дней. Например, в словах «русявый», «русоволосый», «заяц-русак» и так далее. Кроме того, этим термином обозначали знатный или главенствующий род. Вполне естественно, что этим словом в равной степени пользовались две ветви индоевропейцев – иранцы и славяне. Возможно, распространение самоназвания «салтовцев» как «рус», «русы» связано с названием нынешнего Северского Донца, который, по данным арабского источника «Худуа-аль-Алам», называли рекой Рус, то есть светлая или чистая река. Возможно, от наименования реки стали себя так именовать и жители каганата. Есть версия, что каганат получил свое название от аланского народа рухсов, потомков сарматского племени роксаланов (светлых аланов) и асов.

Вероятно, русы первоначально не были славянами, но были ассимилированы славянами, оставив им свое имя. Это не единственный подобный случай в истории. Вспомним хотя бы болгар, славянский народ, получивший имя от племени кочевников-тюрков.

Погиб Русский каганат в тридцатых годах девятого века, когда его территория была захвачена мадьярами (венграми), которые кочевали здесь до конца девятого века, а затем отправились на запад. После разгрома каганата часть оставшегося населения отошла на север в леса и ассимилировалась среди славянского племени северян. Возможно, благодаря этому и сохранилась топонимика нашего края. Часть беглецов переселилась в Приднепровье под защиту уцелевшего Киева.

Но особенно интересна судьба третьей группы выходцев из каганата. Вероятно, это были остатки профессиональной дружины. Они закончили свой поход в Прибалтике. Часть исследователей считает, что их новой родиной стало восточное побережье Балтийского моря, часть историков утверждает, что русы осели в Пруссии, где они вместе с местными племенами образуют племенной союз, который называют Русия. Кроме того, есть версия об острове Сааремаа как о новом пристанище русов. Как бы то ни было, все исследователи согласны, что новое государство было в Прибалтике. В это время идет активное освоение славянами этих территорий. Им был необходим союзник на новых землях. Естественно,

они обратили внимание на племенное образование, близкое им по языку, культуре. Так что, возможно, рус Рюрик, приглашенный со своей дружиной в Новгород, был не скандинавом, а выходцем из Русского каганата.

Если наша реконструкция истории Русского каганата базируется на археологии, гипотезах и разрозненных исторических сведениях, то Рюрик – это историческая личность. Его ближайшим сподвижником был Вещий Олег. У нас это имя обычно выводят из скандинавского имени Хелег, хотя логичнее его выводить от иранского Халег (творец, создатель, князь). Олег, став в 879 году регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре, организывает поход на юг по Днепру. В 882 году Олег фактически без боя захватил Киев. Именно тогда и прозвучали слова «Киев – мать городов русских». Согласитесь, звучит более чем странно, если вслед за историками-норманистами считать Олега скандинавом. Но если Олег, как и киевляне, выходец из Русского каганата, то его поступок логичен. Вещий князь провозгласил начало возрождения своего древнего государства, но уже со столицей в Киеве. Кстати, киевский люд воспринимает приход Олега без особого возмущения. Не было ни бунтов, ни волнений. А ведь когда Рюрик стал княжить в Новгороде, там было восстание Вадима Храброго.

После утверждения в Киеве Олег установил свой контроль над племенами северян и радимичей, которые до этого платили дань хазарам. То есть Олег собирал вокруг Киева как раз те славянские племена, которые наиболее тесно контактировали с Русским каганатом. Стараниями Вещего Олега в начале десятого века образуется новое государство, которое объединяет земли Русского каганата и получает прежнее название Русь, а его правитель именуется каганом. Этот титул перестал употребляться только при Ярославе Мудром.

Князь Святослав завершил начатое Олегом, совершив в 965 году победоносный поход на Хазарию. Он не только уничтожил это государство, но и начал возрождать Русский каганат путем новой славянской колонизации земель вдоль Дона и Донца, центром которых стал бывший хазарский город Саркел, переименованный Святославом в Белую Вежу (вежа – башня). Туда он пытается переселить славян, но ситуация была уже другой. Из Заволжья в наши степи приходят кочевники печенеги. После того, как их удалось разгромить в тридцатых годах одиннадцатого века, на их место пришли половцы. Кстати, Владимир Мономах совершил два десятка походов в степи, где располагался Русский каганат, буквально зачищая их от кочевников. Так что князья Киевской Руси не забывали о своей прародине. Но Киевская Русь уже вступила в период раздробленности, и у великих князей не было сил, чтобы удержать свои южные владения. Большинство славян во времена Владимира Мономаха переселилось обратно в Киевскую Русь. Оставшиеся частично были вырезаны половцами, взявшими приступом в 1117 году Белую Вежу, частично переселились в Тмутаракань. Небольшая часть славян, объединившись с представителями соседних народов (алан и тюрок), стали родоначальниками бродников – вольных воинов, ведших такой же образ жизни, как и казаки спустя четыреста лет.

Итак, подведем итоги. Русский каганат был первым протогосударством, в отношении которого был употреблен термин «русский». Наследие этого государства оказало впоследствии серьезное влияние и на Русь, и на образовавшиеся на ее территории государства. Очень много элементов из Русского каганата перешло в Русское государство. Это и титул властителей, и боги иранского происхождения в пантеоне славянских богов, и многочисленные слова с иранским корнем в нашем языке. *(Например, «собака» вместо общеславянского «пес», «топор» вместо общеславянского «секира-сокира», «хорошо» наряду с «добро-дobre» – прим. ред.)*

Киевская Русь

Поднимая вой о постоянном угнетении Украины Москвой, нацвидомые пытаются доказать, что во все времена именно русские были главными врагами украинцев. И как пример первой агрессии «москалей» постоянно приводится взятие Киева князем Юрием Долгоруким, а затем и его сыном Андреем Боголюбским. То, что Киев был взят, стараниями историков незалежной, знают все, а вот подробности тех событий малоизвестны. Поэтому давайте разберемся, а что собственно происходило в тот момент на Руси.

Единое государство, созданное Святославом и Владимиром, давно уже поделено на княжества, которые непрерывно дробятся. Это связано с весьма своеобразной системой наследования власти, существовавшей у наших предков. Отошедшему в мир иной Великому князю Киевскому наследовал не сын, а следующий брат, после его смерти – младший брат. Только после того как младший из братьев отправлялся в мир иной, трон занимал сын старшего брата и так далее. По мере выбывания старейших представителей рода, следующие по возрасту князья меняли свои княжества, принимая под свою руку более богатые и важные города, а на их место приходили новые поколения Рюриковичей. Таким образом, *все* князья в совокупности владели *всей* Русской землей, передвигаясь из волости в волость по известной очереди. Такой вот карьерный рост по-древнерусски.

Но со временем, когда княжеский род разросся, стали возникать сложности в определении первенства того или иного князя – соответственно начинались и междоусобные столкновения. И выяснилось, что для правления Киевом не обязательно быть старшим, главное – иметь наиболее многочисленную дружину и немного решительности. И уже с конца XI века на Руси шла практически перманентная война между князьями, в которой активно участвовали все соседи от Польши и Швеции до половцев и венгров. Главным призом во всех войнах оставался Киев, так как киевский князь считался владыкой всей Руси, а сам Киев был политической столицей государства. Понятное дело, что такая ситуация самим киевлянам и жителям его окрестностей нравилась мало, ведь каждый новый князь, захватывая Киев, устраивал погром и грабеж. Ну и бежали жители Южной Руси на северо-восток, где жизнь была поспокойнее. Соответственно северо-восточные княжества усиливались, а их правители становились основными претендентами на великокняжеский престол. И своего они достигали. Например, владыка Ростово-Суздальской земли Юрий Долгорукий (тот самый основатель Москвы), воюя с волынским князем Изяславом Мстиславовичем, трижды брал Киев штурмом, а затем в 1155 году, после смерти своего главного соперника, буквально выгнал очередного киевского князя, заявив: «Мне отчина Киев, а не тебе!» Современные украинствующие историки не стесняются называть Долгорукого первым русским империалистом, пытавшимся завоевать Украину, и объяснять его действия в рамках убогой схемы извечной борьбы украинцев против захватчиков-москалей. Да только вот незадача, никаких украинцев в то время не существовало. Равно как и москалей – Москва в то время была всего лишь небольшим городком во Владимирском княжестве. На самом деле одни русские князья во главе русских войск (ну и наемников – куда же без них?) воевали против других русских князей за контроль над русскими городами. А лучшим союзником Юрия Долгорукого по борьбе за Киев был галицкий князь Владимирко. Что же, и этого галичанина нам «москалем» считать? Бред! Ведь Галичина (Галиция) – это нынешняя Западная Украина!

В результате всех этих междоусобиц звание Великого князя Киевского стало пустым наименованием, а Киев стал клониться к закату. Ну, сами представьте, что с городом случилось, пока он из рук в руки переходил. После смерти Долгорукого на престоле древней столицы сменилось несколько князей, пока, наконец в 1169 году сын Долгорукого Андрей Боголюбский не организовал поход одиннадцати князей и не подчинил своей власти Киев.

Правда, сам он там править не захотел, отдав город в качестве подарка своему брату Глебу. Князь Андрей сделал своей столицей город Владимир на реке Клязьма. С этого момента можно говорить, что Киевщина окончательно стала периферией Руси. Мать городов русских еще не раз переходила из рук в руки. Пользуясь слабостью раздробленной Руси, половцы безнаказанно совершали набеги, вырезая села и целые города. Окончательно же обезлюдили земли некогда могучего Киевского княжества после похода Батые, полностью разрушившего Киев в 1240 г.

Нашествие Батые стало тяжелейшим ударом по русской цивилизации. Причем, если до северных Новгородского и Псковского княжества степняки не дошли, города Центральной Руси были разграблены и в большинстве своем сожжены, то более удобный для действия монгольской кавалерии степной Юг обезлюдел полностью. В 1239—1240 годах завоеватели взяли штурмом Переяслав, Чернигов и Киев, вырезав все население этих городов. Начался период тотального запустения Южной Руси. Города были разрушены, дружинники и бояре (элита русского общества) полегли под кривыми монгольскими мечами, крестьянские поля разорены, кто из смердов не смог спрятаться – уведен в рабство. Впрочем, могло быть и еще хуже. Если бы Батый со своими ордами остался на Днепре, то наша земля на века превратилась бы в выжженную землю. К счастью, вдоволь награвив, Батый ушел на восток, разбив свою ставку на Волге. Но с севера и запада уже шли новые господа. Польское королевство захватило Галицию. Молодое Литовское государство начало свою экспансию на восток и юг. Постепенно в состав Великого княжества Литовского вошли Волынь, Киевщина, Новгород-Северская и Черниговская земли. Причем за Волынь Литовскому княжеству пришлось воевать с Польшей. В итоге в 1352 году было подписано перемирие, согласно которому Галиция оставалась за Польшей, а Волынь – за Литвой.

Литовцы охотно роднились с оставшимися в живых представителями русской знати, перенимали более высокую русскую культуру. Обиходным был именно русский язык, он же был языком литературы и делопроизводства. Можно было бы надеяться на то, что со временем литовцы полностью растворятся в русской массе, но этому было не суждено сбыться.

Весь четырнадцатый век литовские правители наступали на Восток и Юг, подчинив себе гигантские территории от Черного моря до Балтийского, а раздробленные и враждующие русские княжества не могли оказать достойного сопротивления, и потому в начале пятнадцатого столетия Литва достигла пика своего могущества. В 1404 году литовский князь Витовт с третьей попытки захватил Смоленск и претендовал на Новгород и Псков. Но против захватчиков объединились силы Великих княжеств Московского и Тверского. Витовт вынужден был отступить, и в 1408 г. под Вязьмой было заключено перемирие. Река Угра стала границей между московскими и литовскими княжествами. Дальнейший захват русских земель на время был прекращен, но и мира не было. Одновременно началось сопротивление русского населения захваченных Литвой земель, притесняемого католическими феодалами.

В начале XV века у литовцев есть страстное желание продолжить поход на Восток, но сил уже нет, и им приходится больше думать о том, как удержать захваченное. Тем более что с Запада на Литву и Польшу обрушились крестоносцы из Тевтонского ордена. В двух войнах 1409—1411 и 1454—1466 годов польско-русско-литовские войска разгромили немецких псов-рыцарей, но за это время лоскутное одеяло русских княжеств превратилось в единое централизованное Московское государство, которое уже не скрывало желания вернуть потерянные ранее земли. Великий князь Иван IV подчинил своей власти Новгород, Тверь и Ярославль, окончательно сбросил с Руси ордынское иго, победил Казань, и зимой 1493 московские войска начали войну с Литвой. В 1494 году было заключено мирное соглашение. По этому мирному договору Вязьма навсегда отошла к Московскому государству, Смоленск же остался за Литвой. После короткого перемирия, в 1500 году, начинается вторая война

Москвы с Литвой за смоленские земли. 23 июля произошло решающее сражение. Литовская армия под командованием гетмана Константина Острожского сошлась с московским войском. Как выяснилось, время ратной славы Литвы минуло, и московские полки одержали блистательную победу. Никогда еще Литва не терпела такого сокрушительного поражения. Гетман Острожский и несколько сотен князей и бояр попали в плен, тысячи простых воинов были убиты. В 1500 году под власть Москвы переходят Черниговские и Новгород-Северские земли. Война то прерывается перемириями, то вновь разгорается, но инициатива постоянно у московских воевод. 1 августа 1514 года жители Смоленска открыли ворота города русским воинам. Одновременно на сторону Москвы переходят многие знатные русские православные семьи Литвы. С возвращением Смоленска и Вязьмы завершилось объединение северо-восточных русских земель в единое Российское государство. Становится понятно, что времена Ольгерда, безнаказанно осаждавшего Москву, безвозвратно канули в лету и Русь стала значительно сильнее Литвы. Уже становится понятным, что объединение всех земель Киевской Руси под властью Москвы – это лишь вопрос времени.

Великое княжество Литовское разваливается, и у него небогатый выбор: или полностью попасть под власть московских князей, или под власть польского короля. Литовские князья предпочли второй вариант, тем более что с конца четырнадцатого века Литва и Польша несколько раз пытались объединиться. В результате многолетних перипетий, описание которых не входит в нашу задачу, было создано единое государство Польши и Литвы – Речь Посполитая (1569 г.). В новом образовании Литва оказывалась в подчиненном положении, и уже с начала семнадцатого столетия бывшее великое княжество – всего лишь часть Польши. Вскоре для русских начались черные времена. Польское иго тотально влияло на все аспекты жизни покоренного населения. Немногочисленная русская аристократия, оставшаяся на ставших польскими землях, в конце концов перешла в католичество и практически полностью ополячилась. Жестокое крепостничество, давление на православие и насаждение католичества низводили остальных жителей Южной и Западной Руси до положения бесправных рабов. Первыми католическими священниками в Великом княжестве Литовском были исключительно польские князья, привлеченные большими материальными благами и соблазнами папской курии. Не удивительно, что наши предки восприняли католичество исключительно как польскую веру. Соответственно любое сопротивление католицизации приобретало форму освободительной борьбы против польских захватчиков. В 1596 году происходит событие, которое сделает взрыв неизбежным. В Бресте был созван Церковный собор, на котором в ультимативном порядке православным архиереям предлагают объединиться с католиками, признав власть Папы Римского. С этого момента становится ясно, что православным русичам и католикам-полякам в одном государстве не ужиться.

В этот же период под польским влиянием начинает изменяться и язык жителей Малой Руси. Формируется отдельный диалект, на базе которого затем будет создана «украинская мова». И чем больше проходило времени, тем жестче вели себя поляки. Православным горожанам пытались запретить заниматься торговлей и ремеслом, а с крестьянами польские хозяева вообще предпочитали говорить с помощью кнута. Причем, даже перейдя в религию господ, крестьяне оставались в положении бесправного быдла. Пан по своей прихоти имел право казнить любого холопа, не неся за это никакой ответственности. Безнаказанность и разгул шляхты сложно даже вообразить. Например, по закону шляхтич имел право личной неприкосновенности, не платил никаких налогов, мог выступать с оружием в руках против своего короля, если был не согласен с решениями монарха... Нередко польские магнаты, имевшие собственные частные армии, устраивали войны между собой. А любой закон в королевстве вступал в силу, только если с этим законом были согласны все (!) шляхтичи Речи Посполитой. Достаточно было одного пана, заявившего «либерум вето», чтобы закон не был принят. Столь огромное количество прав и вольностей шляхты порождали сумасбродный

гонор феодальной вольницы и буквально ставили под сомнение существование польского государства, а сама шляхта становилась силой большей, чем королевская власть. Однако практически безграничная свобода одних оборачивалась закабалением других. Чем больше прав приобретала шляхта, тем сильнее было угнетение крестьян. Экономическое закабаление, накладываясь на религиозную рознь, создавало взрывоопасную смесь, которая прорывалась постоянными восстаниями. До определенного времени полякам удавалось давить крестьянские выступления в крови.

Первые казаки

Большинство наших современников черпает сведения о казаках исключительно из художественных произведений: исторических романов, дум, кинофильмов. Соответственно и представления о казаках у нас весьма поверхностные, во многом даже лубочные. Вносит путаницу и тот факт, что казачество в своем развитии прошло длинный и сложный путь. Поэтому герои Шолохова и Краснова, списанные с реальных казаков прошлого XX века, имеют столько же общего с казаками шестнадцатого века, сколько современные киевляне – с дружинниками Святослава.

Как это ни прискорбно для многих, но героико-романтический миф о запорожцах, созданный писателями и художниками, нам придется развенчать.

Первые сведения о существовании казачества на берегах Днепра относятся к пятнадцатому веку. Были ли они потомками бродников, черных клобуков¹ или ослабянившейся со временем частью Золотой орды – никому неизвестно. В любом случае, тюркское влияние на обычаи и поведение казаков огромно. В конце концов, по форме проведения казачья рада не что иное, как татарский курултай, оселедец и шаровары – атрибуты представителей многих кочевых народов... Многие слова (кош, атаман, курень, бешмет, чекмень, бунчук) пришли в наш язык из тюркского. Степь дала казакам нравы, обычаи, воинские приемы и даже внешний вид.

Кроме того, сейчас казачество считается исключительно русским явлением, однако это не так. Были свои казаки и у татар-мусульман. Задолго до появления на исторической сцене Запорожского и Донского войск на жителей степи наводили ужас ватаги ордынских казаков. Татарские казаки также не признавали над собой власти ни одного государя, но охотно нанимались на военную службу. Причем как к мусульманским, так и христианским владыкам. С распадом единого государства Золотой орды на враждующие ханства огромные степные пространства от Днепра до Волги стали фактически ничейной землей. Именно в этот момент на берегах степных рек появляются первые укрепленные казачьи городки. Они играли роль баз, откуда казачьи артели отправлялись на рыбную ловлю, охоту или грабеж, а в случае вражеского нападения казаки могли отсидеться за их стенами. Центрами казачества стали Днепр, Дон и Яик (Урал). В сороковых годах шестнадцатого века днепровские казаки, которых на Руси называли черкасами, на острове Малая Хортица основали самую известную крепость – Запорожскую Сечь. Вскоре вокруг Сечи объединились все казаки, жившие на Днепре, положив основу Войску Запорожскому Низовому. Основание Запорожской Сечи традиционно приписывается Дмитрию Байде Вишневецкому, хотя, как недавно доказал украинский историк Олесь Бузина, никакого отношения к Сечи этот шляхтич не имел. В это время казаки уже представляли собой определенную силу, численность которой пополнялась за счет прихода новых людей из Речи Посполитой, Валахии и Малороссии. Эти переселенцы существенно изменили состав казачества, растворив в себе казаков-неславян, и уже к шестнадцатому веку казачество представляло собой исключительно русскоязычное православное образование. Впрочем, по менталитету и роду занятий казаки существенно отличались и от русских, и от других оседлых народов.

У наших историков сложились два противоположных взаимоисключающих взгляда на казачество. Согласно первому, казачество – это аналог западноевропейских рыцарских орденов, согласно второму, казаки – выразители чаяний народных масс, носители демокра-

¹ Черные клобуки – общее название кочевников (печенежские, половецкие, торкские племена и роды), ставших вассалами Киевского великого князя и расселенных на южных границах Руси. Главной задачей Черных клобуков была сторожевая служба на границе степи и защита русских поселений от набегов враждебных племен кочевников.

тических ценностей и народовластия. Однако оба эти взгляда оказываются несостоятельными, если внимательно изучить историю казаков. В отличие от рыцарских орденов европейского Средневековья днепровское казачество возникло не в гармонии с государственной властью. Наоборот, ряды казаков пополняли люди, для которых не было места в цивилизованном обществе. За днепровские пороги приходили не нашедшие себя в мирной жизни селяне, бежали, спасаясь от суда или долгов шляхтичи и просто искатели легкой наживы и приключений. Ни малейшего намека на дисциплину, характерную для рыцарских орденов, на Сечи обнаружить не удастся. Вместо этого все современники отмечали своевольство и необузданность казаков. Можно ли представить, чтобы магистра тамплиеров провозглашали и свергали по капризу массы, зачастую по пьяни, как это было с атаманами казачьих ватаг? Если и можно сравнить с чем-либо Сечь, то скорее с пиратскими республиками Карибского моря или татарскими ордами, а не с рыцарями.

Легенда о казачьей демократии родилась в девятнадцатом веке благодаря усилиям русских поэтов и публицистов. Воспитанные на европейских демократических идеях своего времени, они хотели видеть в казаках простой народ, ушедший от панской и царской власти, борцов за свободу. «Прогрессивная» интеллигенция подхватила и раздула этот миф. Конечно, крестьяне бежали на Сечь, но не они заправляли там. Идеи освобождения крестьян из-под панской власти не находили отклика в сердцах запорожцев, зато возможность пограбить, прикрывшись крестьянами, никогда не упускалась. Затем же казаки легко предавали доверившихся им крестьян. Беглые крестьяне только пополняли ряды войска, но не из них формировалась запорожская верхушка-старшина, не они были стеновым хребтом казачества. Недаром же казаки всегда считали себя отдельным народом и не признавали себя беглыми мужиками. Сечевые «лыцари» (рыцари) чурались земледелия и не должны были связывать себя семейными узами.

Фигура запорожца не тождественна типу коренного малоросса. Они представляют два разных мира. Один – оседлый, земледельческий, с культурой, бытом и нравами, восходящими к Киевской Руси. Второй – гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь. Казачество порождено не южнорусской культурой, а враждебной стихией кочевой татарской степи. Недаром многие исследователи считают, что первыми русскими казаками были русифицированные крещеные татары. Живущие исключительно за счет разбоя, не ценящие ни своей, ни тем более чужой жизни, склонные к дикому разгулу и насилию – такими предстают эти люди перед историками. Не брезговали они подчас и угоном своих «православных братьев» в плен с последующей продажей живого товара на невольничьих рынках.

Так что отнюдь не все запорожцы предстают в образе благородного Тараса Бульбы, воспетого Николаем Васильевичем Гоголем. Кстати, обрати внимание, читатель: гоголевский Тарас называет себя не украинцем, а русским! Существенная деталь.

Еще одним мифом является миссия защиты православной веры, приписываемая казачам. «Защитники православия» гетманы Выговский, Дорошенко и Юрий Хмельницкий без всяких угрызений совести признавали своим господином турецкого султана – главу ислама. Да и вообще никогда казаки не отличались особой политической разборчивостью. Оставаясь верными своей степной природе добытчиков, они никогда не приносили реальных, практических выгод в жертву отвлеченным идеям. Надо было – и входили в союз с татарами, надо – шли вместе с поляками разорять великорусские земли в Смутное время 1603—1620 гг., надо – уходили в Турцию из-под власти Российской империи.

До учреждения поляками в шестнадцатом веке реестрового казачества термином «казак» определялся особый образ жизни. «Ходить в казаки» означало удаляться за линию пограничной стражи, жить там, добывая пропитание охотой, рыбной ловлей и грабежом. В 1572 году польское правительство попыталось использовать активность казаков на благо государству. Для несения службы по охране границы были созданы отряды из каза-

ков-наемников, получившие название «реестровых казаков». В качестве легкой кавалерии они широко использовались в войнах, которые вела Речь Посполитая. Стать реестровым казаком было мечтой любого запорожца, ведь это означало иметь гарантированный доход, одежду и еду. Кроме того, реестровые казаки рисковали гораздо меньше своих бывших собратьев по ремеслу. Неудивительно, что казаки постоянно требовали увеличить реестр. Первоначально реестр насчитывал всего лишь 300 запорожских казаков, во главе с атаманом, назначаемым польским правительством. В 1578 году реестр был увеличен до 600 человек. Казакам был передан в управление город Терехтемиров с Зарубским монастырем, расположенный близ города Переяслава, на правом берегу Днепра. Здесь были размещены казацкие арсенал и госпиталь. В 1630-х годах численность реестрового казачества колебалась от 6 до 8 тысяч человек. В случае необходимости Польша нанимала на службу и все Запорожское войско. В это время казаки получали жалование, в остальное время им приходилось на свои сабли полагаться больше, чем на монаршую милость.

Золотым веком для Запорожского войска стало начало семнадцатого века. Под руководством Петра Сагайдачного казаки, ставшие реальной силой, умудрились совершить несколько дерзких рейдов на турецкие причерноморские города, захватив огромную добычу. Только в Варне запорожцы взяли добра на 180 тысяч злотых. Затем Сагайдачный со своей армией присоединился к польскому королевичу Владиславу, начавшему поход на Москву. В России в это время бушевала Смута, польские войска осаждали Москву, а само существование Московского царства было под угрозой. В этих условиях двадцать тысяч головорезов Сагайдачного могли стать решающим козырем в многолетней войне Польши и Руси. Правда, казаки не были бы казаками, если бы не доставили хлопот и своим нанимателям-полякам. Первоначально они разорили Киевское и Волынское воеводства Речи Посполитой, а только затем вторглись в русские владения. Первой жертвой казаков стал Путивль, затем Сагайдачный захватил Ливны и Елец, а его сподвижник Михаил Дорошенко огнем и мечом прошелся по Рязанщине. Сумел отбиться только небольшой городок Михайлов. Зная о судьбе захваченных казаками городов, где были вырезаны все жители, михайловцы отбивались с отчаяньем обреченных. Потеряв почти тысячу человек, Сагайдачный, так и не сумевший взять его, вынужден был снять осаду и идти к Москве на соединение с королевичем Владиславом. Двадцатого сентября 1618 года польская и казачья армии соединились под Москвой и стали готовиться к решительному штурму, который закончился провалом. Вскоре между Московским царством и Речью Посполитой был заключен мир. В качестве награды за московский поход казаки получили от поляков 20 000 злотых и 7 000 штук сукна, хотя рассчитывали на большее.

А спустя всего два года Сагайдачный отправил в Москву посланцев, заявивших... о желании реестрового запорожского войска служить России. Причиной этого обращения стал фанатизм и непримиримость католической церкви, развязавшей страшные гонения на православие, и позиция шляхты, смотревшей на казаков и малороссов как на своих рабов. Именно в период гетманства Сагайдачного стала окончательно понятна невозможность наладить совместную жизнь православных в одном государстве с поляками. Логическим выводом отсюда было стремление разорвать навязанную историческими событиями связь с Польшей и устроить свою судьбу согласно собственным интересам и желаниям. Начиналось движение по освобождению Малороссии от польской власти. Но вскоре в битве с турками под Хотинском гетман получил смертельную рану...

После гибели этого полководца и дипломата для казаков начинаются сложные времена. Под Хотинском казаки спасли Польшу от захвата турками, но благодарности не дождались. Наоборот, поляки стали опасаться своих союзников и всячески ограничивать казацкую силу. Казаки же, почувствовав свою силу, стали требовать себе шляхетских прав. Прежде всего права бесконтрольно эксплуатировать крестьян.

Обратим внимание на еще один феномен: несмотря на ожесточенную борьбу казачества за отделение от польско-литовского королевства (Речи Посполитой), верхушка казаков с завистью смотрела на польское дворянство (шляхту). Казацкой старшине страстно хотелось жить так же разгульно и роскошно, как и шляхтичам, так же презирать простых земледельцев, как презирали их польские дворяне. Некоторые историки говорят, что поляки допустили роковую для себя ошибку. Им нужно было принять казацкую старшину в шляхетство, настаивая на перемене ею веры с православия на католичество. И тогда нынешняя Украина еще на века могла остаться частью Речи Посполитой.

Восстания 30-х годов XVII века

В начале семнадцатого века Речь Посполитая была в зените своего могущества, под властью польского короля были огромные пространства от Германии до Смоленска. И, несомненно, жемчужиной в польской короне были земли Малороссии. Порабощенный народ платил огромные подати, что позволяло шляхте буквально купаться в роскоши. По сути, местное население было превращено в бесправных рабов, а вскоре начались и гонения на православие. Понятное дело, что народное терпение истощалось, и каждую минуту могло начаться восстание. В сохранившемся письме польского магната князя Збаражского подробно описывается ситуация в Малороссии: «Опасность войны с рабами никогда еще не угрожала польскому государству с такой очевидностью, как в данный момент», – писал он в 1625 году.

Причем в этот раз казаки готовы были прийти на помощь крестьянам и действовать совместно против Польши. Понимая серьезность ситуации, польское правительство нанесло упреждающий удар. В Малороссию была направлена военная комиссия во главе с магнатом Конецпольским, к которому со своими отрядами присоединилось еще около 30 магнатов – владельцев крупнейших имений на Украине. Цель комиссии была сократить до минимума число казаков, а все остальное население превратить в крепостных. Силы поляков и казацко-крестьянская армия встретились у Куруковского озера. После нескольких сражений Конецпольский подписал с казацкой старшиной так называемое «Куруковское соглашение», или «Ординацию запорожских казаков». По этому соглашению число реестровых казаков сокращалось до шести тысяч человек, остальные должны были превратиться в крепостных крестьян. Не попавшие в реестр, а таких было до сорока тысяч, так называемые «выписчики», были возмущены условиями «Ординации» и не имели ни малейшего желания им подчиниться. Тысячи человек, как казаков, так и желавших стать казаками крестьян, отправились в Запорожье или в Московское государство. Часть тех непокорных при царе Михаиле Романове поселили на территории нынешних Белгородской и Воронежской областей. Их села чересполосно соседствовали с деревнями великороссов. Даже триста лет спустя, в 1930-е годы, соседи шуточно дразнили друг друга «кацапами» и «хохлами». А особенности малороссийского говора (взрывное, фрикативное «г», знаменитое «хэканье») население Белгородчины и Воронежской области сохраняет и сегодня.

Но польские войска во времена Конецпольского были отозваны для участия в войне со Швецией, и «Ординация» несколько лет оставалась на бумаге. Только в 1629 г. Конецпольский вернулся с войсками в Малороссию, чтобы разоружить казаков и превратить их в крепостных. Как только первые польские солдаты появились на нашей (русской, а не украинской!) земле, вспыхнуло восстание, возглавленное запорожцами, к которому присоединились массы крестьянства. Восстанием руководил вождь запорожцев Тарас Федорович, вошедший в историю под прозвищем Трясило. Реестровые казаки, ставшие на сторону польского правительства, были частично уничтожены, частично отброшены к Корсуню, а их гетман Григорий Черный судим «за измену русскому народу» (а отнюдь не украинскому: так сформулировали обвинение сами казаки) и казнен. (Еще одна деталь: в то время левый берег Днепра назывался московским, а правый – русским, «руським», а никак не украинским!)

У Корсуни русский герой Трясило разгромил соединенный отряд поляков и реестровых казаков, причем во время сражения многие реестровцы перешли на сторону восставших. После этого восстание охватило огромное пространство по обоим берегам Днепра. Решительное сражение состоялось около Переяслава. Оно длилось три недели, но успеха не удалось достигнуть ни полякам, ни восставшим. В результате поляки смогли склонить на свою сторону часть лидеров восстания, которые свергли Федоровича. Новый гетман Антон

Бут заключил с поляками перемирие, согласно которому реестр вырос с 6.000 до 8.000 человек, было увеличено жалование реестровым казакам, а всем участникам восстания было обещано помилование.

Вскоре умер непримиримый враг православия польский король Сигизмунд, и его преемник Владислав попытался смягчить обостренную религиозную вражду между православными и католиками. Результатом его усилий стали «Статьи для успокоения русского народа», согласно которым православные и униаты уравнивались в правах, православным возвращалась часть отобранных у них монастырей. (Обратите внимание: поляки семнадцатого века называют население нынешней Украины не украинцами, а именно русскими!) Однако социальное напряжение снято не было. Поэтому в среде простонародья мысль о продолжении вооруженной борьбы не только не угасала, но находила все большее число сторонников. Нереестровые казаки, над которыми висел дамоклов меч обращения в рабов-крепостных, готовы были взяться за сабли в любой момент. Уже в 1635 году запорожцы под руководством Сулимы захватили польскую крепость Кодак, вырезали поголовно весь ее гарнизон, а укрепления разрушили до основания. Верные Речи Посполитой реестровые казаки захватили Сулиму и выдали полякам. Всем же захваченным рядовым казакам Сулимы поляки отрубили уши. После гибели Сулимы восстание возглавил Павел Бут (Павлюк), который обратился с призывом к казачеству и к «поспольству» (мещанам и крестьянам) ловить как изменников и доставлять ему старшину реестровых казаков. Гетман реестровцев Кононович и ряд старшин были схвачены, доставлены Павлюку и казнены. Часть реестровых казаков присоединилась к восставшим. Начало подниматься на борьбу и крестьянство. Особенно сильным было крестьянское движение на Левобережье. Шестого декабря 1637 года под селом Кумейки произошло сражение, в котором казаки были разгромлены и отступили к Черкаскам, где вскоре капитулировали. Сам Павлюк, как и его предшественник Сулима, был публично казнен в Варшаве. Но многие уцелевшие повстанцы сумели спастись бегством в пределы Московского государства и на Дон.

Расправившись с восставшими на Правобережье, польский полководец Потоцкий перешел на левый берег Днепра, где еще действовали многочисленные отряды повстанцев. Огнем и мечом прошли ляхи по городам и селам Левобережья, вешая и сажая на кол участников восстания. Затем, оставив по всей Малороссии гарнизоны, Потоцкий поспешил в Варшаву на Сейм, с намерением провести через Сейм закон, который бы раз и навсегда ликвидировал угрозу казацко-крестьянских восстаний. В начале января 1638 г. закон был принят под названием «Ординация Войска Запорожского реестрового, находящегося на службе у Речи Посполитой». Условия этой «Ординации» были настолько тяжелы, что фактически превращали реестровых казаков (число которых было ограничено шестью тысячами) в наемное польское войско под командой польских офицеров. Выборность старшин была отменена. Звание гетмана упразднялось. Вместо него командовать реестровыми казаками должен был назначаемый королем «комиссар»-шляхтич. Только самые низшие должности могли занимать казаки. Для того чтобы затруднить пополнение Запорожской Сечи беглыми крестьянами, заново была отстроена крепость Кодак, в которой находился крупный польский гарнизон.

Польское правительство рассчитывало, что с внедрением в жизнь пунктов «Ординации» удастся окончательно поработить Малороссию, как это уже давно было сделано в «Воеводстве Русском» (Галиции). Однако, вместо того чтобы покориться, русский народ поднялся на еще одно восстание. Возглавили его запорожец Яков Острянин и один из помощников покойного Павлюка – Скидан. Им удалось выиграть несколько сражений, но в конце концов они были разбиты и осаждены в своем лагере. Считая сражение проигранным, Острянин с отрядом казаков бросился на прорыв, вырвался из окружения и бежал в

Московское царство. Русское правительство благосклонно приняло казаков и поселило на Слободской Украине около Чугуева.

Брошенные казаками повстанцы выбрали себе гетманом Дмитрия Гуню и еще два месяца продолжали отбиваться. Видя бесперспективность борьбы, часть повстанцев попыталась договориться с поляками, и тогда Гуня с отрядом непримиримых прорвал кольцо осады и ушел в пределы Московского государства, остальные восставшие сдались на милость победителей.

После подавления восстания в Киеве поляками была созвана казацкая рада, безоговорочно признавшая «Ординацию» и отправившая к польскому королю посольство, которое должно было изъявить ему верность и просить его сохранить за казаками их земли и назначить жалованье. Одним из членов этого посольства был сотник Богдан Хмельницкий – будущий гетман.

«Ординация» стала совершившимся фактом. Шесть тысяч реестровцев, попавших в привилегированное положение и ставших как бы «полушляхтой», определенно и недвусмысленно стали на сторону польского правительства в его споре с народом. Исчез организованный центр народного сопротивления польско-католической агрессии, которым было в течение полувека реестровое казачество, несмотря на соглашательские настроения его верхушки. Народ был обезглавлен, тем более что и в высшем духовенстве, возглавляемом шляхтичем Петром Могилой, он не находил защитников против жестокого угнетения.

Наступило десятилетие, которое поляки с гордостью называют временем «золотого покоя». Для поляков это действительно были годы покоя, но для народа это было, вероятно, самое черное десятилетие (1638—1648 годы) за его историю. Земли Малороссии вместе с жителями были разделены между шляхтой. В погоне за прибылью магнаты и шляхта начали сдавать свои поместья в аренду или на откуп евреям, которые не останавливались ни перед чем, стремясь выбить из крестьян максимум средств. Доходило до того, что еврей-откупщики (коим шляхта отдавала свою имения в управление) и церкви православные отпирали лишь за деньги.

Поднявшие голову униаты повели новое наступление на православие. Насколько далеко зашли эти притеснения, видно из сохранившихся документов, согласно которым польские помещики заставляли православных священников и их семьи, наряду с крестьянами, выходить на барщину. За послушание их избивали и калечили. Все жалобы как польским властям, так и митрополиту оставались без результатов. Не удивительно, что в результате этих притеснений, взоры православных обращались к Москве.

Тысячи казаков и вольных крестьян после «Ординации» оказались на положении изгоев, за которыми охотились магнаты с целью превратить их в крепостных. Но и реестровое казачество очутилось в тяжелом положении. Их, превращенных в наемников под командой польских офицеров, заставляли идти против собственного народа; при всяком случае поляки унижали их религиозно-национальные чувства и заставляли нести разные натуральные повинности для старшины, которая сплошь состояла из шляхтичей. Кроме того, обещанное жалование власти платили нерегулярно, что только озлобляло реестровиков.

Еще в более тяжелом положении находилось мещанство (жители городов) и многочисленные крепостные крестьяне. Не удивительно поэтому, что то десятилетие «золотого покоя», которым так гордятся поляки, было десятилетием нарастания недовольства и ненависти русского народа и казаков. Десять лет народ копил силы и ждал удобного момента. Наконец, выросло новое поколение малороссов, готовых мстить за своих убитых отцов и старших братьев. А главное, нашелся вождь, сумевший собрать в единый кулак всех врагов Польши.

Этим вождем стал Богдан Зиновий Хмельницкий.

Хмельницкий

Пожалуй, о Хмельницком написано больше книг и статей, чем обо всех остальных гетманах вместе взятых, но практически все историки касаются только последних лет его жизни. Причина такого невнимания к молодости батьки Хмеля очевидна: он жил так же, как и тысячи других воинов Речи Посполитой. Родился в семье небогатого шляхтича около 1595 года, в юношеские годы прослушал курс грамматики, поэтики и риторики во львовском иезуитском коллегиуме – словом, обычный классический курс рядового тогдашнего шляхтича. Достоверно известно, что в 1620 году он вместе со своим отцом принимал участие в молдавском походе гетмана Станислава Жолкевского и принял боевое крещение в битве с турками под Цецорой. Эта битва завершилась не только сокрушительным поражением для польского войска, но и гибелью отца Богдана. Юноша попал в плен, откуда его выкупила мать. Затем Хмельницкий воевал во всех войнах, которые вела Речь Посполитая. В 1633 году король наградил его саблей за участие в войне с Московским царством.

К своему пятидесятилетию Хмельницкий явно завершил свою карьеру, став чигиринским старостой. Казалось бы, ждет его спокойная старость на своем хуторе Субботов и воспоминания о лихой молодости. Но судьба распорядилась иначе. Овдовев, Хмельницкий решил взять новую жену, но его избранницу похитил сосед – чигиринский подстароста Даниил Чаплинский. Кстати, вместе с хутором. Действительно, чего уж мелочиться. Правда, права самого Хмельницкого на хутор были весьма спорными. Оскорбленный Богдан попытался вызвать обидчика на дуэль, но попал в засаду и чудом вырвался. Пришлось ему жаловаться коронному гетману, затем началась судебная тяжба, которую Хмельницкий проиграл – единственным утешением стали для него 130 злотых как компенсация за Субботов. Возвратившись ни с чем из Варшавы, Хмельницкий продолжал жаловаться на Чаплинского, тот в свою очередь обвинял Богдана в измене и сношениях с татарами. Готовился Хмельницкий тогда к восстанию или нет – неизвестно, но по приказу коронного гетмана Потоцкого он был арестован. Вскоре Хмельницкому удалось бежать, и 11 декабря 1647 он вместе со своим сыном прибыл в Запорожскую Сечь, а оттуда направился за помощью в Крым. Момент для просьбы был удачный. Крымский хан был недоволен Польшей, так как она неаккуратно платила ежегодный «подарок», которым откупалась от набегов; а, кроме того, на полуострове был неурожай и, как следствие, падеж скота. Татары были непрочь компенсировать свои потери путем грабежа во время войны. Хан согласился помочь Хмельницкому и передал в его распоряжение отряд в четыре тысячи воинов под командой перекопского мурзы Тугай-бей. Так по одну сторону баррикад оказались в прошлом заклятые враги – татары и казаки, хотя доверия между новыми союзниками не было. В качестве заложника в Бахчисарае остался сын Хмельницкого Тимош, а Тугай-бей в казацком стане гарантировал, что хан не ударит Хмельницкому в спину.

18 апреля 1648 года Хмельницкий прибыл в Сечь и изложил результаты своей поездки в Крым. Народ на Сечи принял его с энтузиазмом и избрал кошевым атаманом войска запорожского. Гетманом Хмельницкий стал называться только позднее. К концу апреля 1648 года Хмельницкий уже имел в своем распоряжении десять тысяч человек (включая и татар), с которыми и готовился выступить в «поход мести».

Весть о захвате повстанцами Запорожья встревожила польскую администрацию, и она решила задушить восстание в зародыше. Поляки быстро стягивали свои силы в кулак для борьбы с казаками, а в это время все население Малороссии готовилось присоединиться к казакам, как только те появятся...

Коронный гетман Николай Потоцкий выслал вперед четырехтысячный авангард под руководством своего сына Стефана, а реестровым казакам приказал идти ему на подмогу.

Однако реестровые при первой же возможности перебили своих польских командиров и присоединились к Хмельницкому. Поляки, оказавшиеся в меньшинстве, попытались отступить, но были полностью разгромлены.

Потоцкий решил «примерно наказать бунтовщиков» и, не сомневаясь в победе, двинулся навстречу Хмельницкому. И попал в засаду под Корсунем. В этом бою погибла вся регулярная (кварцянская) армия Речи Посполитой мирного времени – более 30 тыс. человек. Гетманы Потоцкий и Калиновский были взяты в плен и отданы Тугай-бею в качестве платы за помощь. Вся польская артиллерия и огромные обозы достались казакам как военная добыча. Сразу после этих побед на Украину прибыли основные силы крымских татар во главе с самим ханом Ислам-Гиреем. Поскольку сражаться уже было не с кем (хан должен был помочь Хмельницкому под Корсунем), орда вернулась в Крым.

Известия о двух поражениях поляков быстро облетели всю Малороссию. Крестьяне и мещане начали массами присоединяться к Хмельницкому или, образуя партизанские отряды, самостоятельно громить имения поляков, захватывать города и замки с польскими гарнизонами. Крестьяне и горожане старались со всей жестокостью отомстить полякам и евреям за притеснения, которые длились долгие годы.

Крупнейший магнат Левобережья князь Иеремия Вишневецкий, узнав о восстании Хмельницкого, собрал собственное войско, чтобы помочь гетману Потоцкому усмирить восстание. Если бы он успел, то, возможно, Хмельницкий был бы разбит, но неистовый Иеремия опоздал. Теперь ему оставалось только спасти своих соплеменников. Все, кто так или иначе был связан с Польшей и ее социальным строем, уходили вместе с Вишневецким. Шляхтичи, арендаторы-евреи, католики, униаты знали, что если только попадут в руки повстанцев, то им пощады не будет. Как показала история, они не ошибались. Пойманных евреев казаки казнили с особой жестокостью. Не церемонились восставшие и с поляками, особенно с ксендзами. В результате этого стихийного погрома на Левобережье за несколько недель лета 1648 года исчезли все поляки, евреи, католики, а также и те из немногочисленной православной шляхты, которые симпатизировали полякам и сотрудничали с ними. О накале ненависти свидетельствуют такие факты: как минимум половина украинских евреев из общего числа, оцениваемого в приблизительно 60 000, были убиты или угнаны в рабство. Еврейский летописец Натан Гановер писал: «С одних² казаки сдирали кожу заживо, а тело кидали собакам; другим наносили тяжелые раны, но не добивали, а бросали их на улицу, чтобы медленно умирали; многих же закапывали живьем. Грудных младенцев резали на руках матерей, а многих рубили на куски, как рыбу. Беременным женщинам распарывали животы, вынимали плод и хлестали им по лицу матери, а иным в распоротый живот зашивали живую кошку и обрубали несчастным руки, чтобы они не могли ее вытащить. Иных детей прокалывали пикой, жарили на огне и подносили матерям, чтобы они отведали их мяса...»

Неожиданно Хмельницкий попытался дистанцироваться от всеобщего народного восстания. Он собрал казацкую раду, от которой ему удалось добиться начала переговоров с поляками. Впрочем, поляки использовали переговоры только для выигрыша времени с целью подготовки новой армии. К казакам были, правда, посланы уполномоченные для переговоров, но они должны были предъявить заведомо невыполнимые требования (выдача оружия, взятого у поляков, выдача предводителей казацких отрядов, удаление татар). Рада, на которой были прочитаны эти условия, была сильно раздражена против Богдана Хмельницкого за его медлительность и за переговоры. Уступая требованиям простых повстанцев, Хмельницкий стал двигаться на Волынь, где стояла польская армия. 21 сентября две армии встретились под Пилявцами. Поляки в очередной раз не устояли и побежали.

² пленных евреев

В октябре 1648 года Богдан Хмельницкий осадил Львов. Как показывают его действия, он не собирался занимать город, ограничившись взятием опорных пунктов на его подступах: укрепленных монастырей Святого Лазаря, Святой Магдалены, собора Святого Юра. Однако Хмельницкий разрешил отрядам восставших крестьян, которыми руководил Максим Кривонос, штурмовать Высокий Замок. Восставшие захватили польский замок, перебив поголовно всех его защитников, после чего потребовали от горожан заплатить Хмельницкому огромный выкуп за отступление от стен Львова. Получив деньги, Хмельницкий отказался от похода на Варшаву и повел свою армию назад в Малороссию.

Это решение буквально спасло Речь Посполитую: ведь после победоносной кампании 1648 года казаки не встретили бы организованного сопротивления поляков. Хмельницкий мог двинуться прямо на Варшаву и наверняка бы взял беззащитную польскую столицу.

Почему же гетман не решился разорить Варшаву? Да потому, что психологически это была его столица! Полвека он верой и правдой служил польским королям. Именно в Варшаву он ездил с депутациями Запорожского войска, именно отсюда шло казакам жалование и поступали приказы. Ведь даже поднимая восстание, Хмельницкий стремился придать ему видимость некой законности! Он постоянно напоминал, что взбунтовал казаков с согласия самого короля Владислава. Тот, выслушав в Варшаве жалобы казацких посланцев на притеснения шляхты, якобы спросил: «Разве у вас нет сабель?» То есть в то время Хмельницкий не думал ни о какой независимости Украины, ни тем паче о переходе Малороссии под скипетр Московской державы.

Тут необходимо сделать отступление и внимательно разобраться, кто и ради чего взялся за оружие в 1648 году.

Шляхта билась за свое право угнетать крестьян и безбедно жить за счет покоренного малорусского населения.

Татары участвовали в походах Хмельницкого по двум причинам. Во-первых, ради добычи, во-вторых, и казаки, и поляки были врагами Крымского ханства и, помогая то одной, то другой стороне, Ислам-Гирей ослаблял своих стратегических противников.

В свою очередь, для Богдана крымские татары были настоящей находкой: ведь у него практически не было собственной кавалерии. Ордынцы же были прирожденными наездниками. Кроме того, татары стали личной гвардией гетмана, готовой в случае необходимости драться не только с поляками, но и подавить выступления противников Хмеля из числа казаков. (Так что особые охранно-карательные части из латышских стрелков и китайских пехотинцев, как видите, совсем не большевистское изобретение!)

Самой многочисленной и самой непримиримой частью армии Богдана стали крестьяне. Они мстили за свое многолетнее угнетение, за гонения на веру. Главной их целью было избавить Малороссию от польского ига, а политические дразги их мало интересовали. Многочисленные, самоотверженные, но практически безоружные, а главное – необученные ратному делу, они не имели никаких шансов справиться в открытом бою со шляхтичами, с детства готовившимися к войне.

А вот последняя группа повстанцев, казаки, ни в выучке, ни в вооружении шляхте не уступала. Несмотря на свою сравнительную малочисленность, казаки играли ведущую роль в восстании. Они становились вожаками повстанческих отрядов, разрабатывали планы операций, руководили боевыми действиями и были ударной силой в сражениях. То есть, говоря современным языком, казаки были офицерским корпусом и спецназом в армии Богдана. И их цели заметно отличались от целей крестьян. Казаки вовсе не желали освобождения Малороссии из-под власти короля и шляхты: *просто они сами хотели стать шляхтой*.

Социальная система Польши запорожцев полностью устраивала – не устраивало их только собственное место в ней. Основными требованиями казаков были увеличение реестра и признание за ними шляхетских прав. Восстание же было своеобразным трудовым

спором – вспомним, что шляхта имела законное (!) право отстаивать свои права с оружием в руках. Логика казаков незатейлива: «Возьмете нас к себе на службу – не будем бунтовать, не возьмете – мы вас немножко пограбим». А поскольку казаки воспринимали свои действия исключительно как торг с центральной властью в Варшаве, то они и не стремились к уничтожению польской государственности. Особо сильными такие настроения были у старшины, мечтавшей занять места в рядах магнатов, подчинить своей власти целые области и заставить крестьян гнуть на них спину. Вообще, казаки задолго до Хмельницкого пытались получить в кормление какую-нибудь область. Точно так же братки-рэкетиры в лихих девяностых годах двадцатого века пытались брать под контроль предприятия и целые отрасли промышленности. В шестнадцатом веке казаки несколько раз пробовали подчинить себе Валахию, посадив на ее престол своего ставленника. В середине семнадцатого казакам несказанно повезло: судьба отдала им в руки всю Малороссию, очищенную благодаря крестьянской войне от польского ига. Оказалось, что завоевать этот край проще, чем добиться вхождения в ряды благородного сословия Речи Посполитой.

Под Львовом выяснилась разница между чаяниями казаков и крестьян, готовых идти на Варшаву и довести до конца дело своего освобождения. Повторилось то же, что и во всех предыдущих восстаниях, возглавляемых казаками: предательство мужиков во имя специфических казацких интересов. Еще не дойдя до Киева, Хмельницкий издал указ-универсал к дворянству, в котором подтверждал их право на владение крепостными. В самом Киеве Хмельницкий встретился с польскими послами, которые принесли ему королевскую грамоту на гетманство. Хмельницкий принял гетманское «достоинство» и благодарил короля за оказанную ему честь. Это вызвало большое раздражение в войске, из-за чего Хмельницкий в своих переговорах с комиссарами вел себя довольно уклончиво. В результате переговоры ни к чему не привели, и польский Сейм постановил собирать шляхетское ополчение для борьбы с восставшими.

Весной 1649 года польские силы стали концентрироваться на Волыни. Хмельницкий, объединившись с крымским ханом, осадил Збараж, где находился многочисленный польский отряд. На помощь осажденным выступил сам король Ян Казимир во главе двадцатитысячного войска. Под Зборовом 5 августа королевские силы были атакованы повстанцами. Поляки сражение явно проигрывали, ведь татары и казаки уже ворвались в их лагерь и устроили дикую резню. Еще немного – и сам король был бы зарублен казаками или захвачен в плен. Но Хмельницкий вдруг остановил битву, спасши Яна Казимира от плена, а остаток поляков – от полного истребления.

На следующий день начались переговоры и был подписан так называемый Зборовский договор, перечеркивавший все успехи восставших. По этому договору Малороссия оставалась под властью Польши, паны возвращались в свои владения, а крестьяне обязаны были им служить, как и до восстания. Зато казаки получили огромную выгоду – реестр увеличился до сорока тысяч человек, которые наделялись землей, правом иметь двух помощников. Лично Хмельницкому отходило все Чигиринское староство, приносящее 200 000 талеров дохода в год. Не остались обиженными и другие казацкие вожди. А вот не вошедшие в реестр снова закабалались. По сути, казацкая старшина и лично гетман предали восставших ради шкурных интересов.

Вскоре, в полном соответствии с содержанием Зборовского договора, в Малороссию стали возвращаться поляки-шляхтичи в сопровождении военных отрядов. Одним из них был шляхтич Корецкий, ранее владевший огромными имениями на Волыни. Однако местные крестьяне в кровопролитном бою разгромили войско Корецкого. Неожиданно Хмельницкий предложил волыньским крестьянам добровольно покориться шляхтичу, а затем жестоко расправился с непокорными земледельцами. Многие крестьяне погибли ужасной смертью: по приказу гетмана их посадили на кол...

Но даже такой поворот судьбы не заставил русский народ, уже хлебнувший свободы, покориться. Вернуться в свои имения-маетки шляхтичи могли только с помощью огня и меча. И Хмельницкий с казаками активно помогал им. Так из революционного вождя гетман Богдан превратился в предателя народа.

Вполне естественной была и реакция простонародья: в Запорожской Сечи вспыхнуло восстание против батьки Хмеля. Запорожцы избрали своим новым гетманом казака-радикала Якова Худолия – непримиримого врага Речи Посполитой. По городам и местечкам прокатилась волна антипольских выступлений, одним из крупнейших стало восстание жителей города Кальника. В ответ Хмельницкий в сентябре 1650 года обнародовал свой указ, предусматривавший смертную казнь за участие в разных волнениях и мятежах. На Запорожскую Сечь он отправил крупный карательный отряд, который быстро усмирил запорожцев. Худолий был казнен в гетманской столице Чигирине. Так же быстро гетманские войска ликвидировали народное восстание в Кальнике, где пятеро его руководителей были публично казнены. Казацкие старшины получили от «батьки Хмеля» приказ – подавлять народные выступления любыми методами...

Однако даже это не удовлетворило польскую знать. Несмотря на все усилия короля, Зборовский договор не был утвержден Сеймом, который решил возобновить войну с казаками. Зимой 1651 года начались военные действия.

Положение Хмельницкого стало довольно затруднительным. Его популярность значительно упала, простой народ гетману уже не доверял. В поисках помощи Хмельницкий согласился признать над собой главенство турецкого султана, который приказал крымскому хану всеми силами помогать Хмельницкому как вассалу турецкой империи. 19 июня 1651 года казацко-татарское войско сошлось с польским под Берестечком. Это сражение по праву считается одним из крупнейших в средневековой европейской истории – в нем участвовало до 150 тысяч воинов с каждой стороны. Несмотря на то что среди польских войск находились сам король и коронный гетман Потоцкий, выкупленный из татарского плена, настоящим лидером поляков был князь Иеремия (Ярэма) Вишневецкий. Потомок богатейшего русского княжеского рода, Иеремия в юности перешел в католичество и стал одним из выдающихся государственных деятелей Речи Посполитой. За свою жестокость по отношению к восставшим он заслужил прозвище «Ужас казачий», а за храбрость и удачу – любовь и беззаветную преданность своих воинов. В трехдневном бою Хмельницкий был разгромлен, причем решающую роль в этой победе польского оружия сыграл князь Иеремия, лично поведший своих воинов в атаку. Татары, составлявшие до трети казацкой армии, понесли большие потери и стали спешно отступать. Хмельницкий, бросив казаков и крестьян, обороняющихся в своем лагере, помчался к хану, стремясь вернуть татар на поле битвы. Однако те, утомленные трехдневными кровопролитными боями, отказались продолжать сражение, тем более что пошел ливень, земля размокла и они лишились своего главного козыря – маневренности.

В общем, татары не вернулись. Не вернулся к своей погибающей армии и Богдан. Одни историки считают, что он стал пленником хана, другие доказывают, что он спасался от собственных полковников, скрываясь под защитой татарских сабель. Этой версии придерживается и один из наиболее ярких современных украинских историков и публицистов Олесь Бузина. В своей книге «Тайная история Украины» он так описывает этот момент:

«Но с чем теперь было возвращаться Хмельницкому? С голыми руками? Запорожский гетман прекрасно знал то, что начнется после его возвращения. Какая-нибудь тварь из лагеря перебежит к полякам и расскажет, что гетман пришел без татар. А король пришлет парламентеров с известным предложением: прощение за бунт в обмен на выдачу Богдана. И казаки согласятся! Они соглашались всегда! И в 1596 году на Солонице, когда выдали на расправу Наливайко. И в 1635-м, когда продали Сулиму. И в 1637-м под Борови-

цей – сбегив с рук Павлюка. Продавать гетманов – любимое занятие запорожских «лыцарей», продувшихся в политические картишки. Хмельницкий знал об этом не из книжек. В конце концов он сам (тогда еще войсковой писарь) подписывал капитуляцию под Боровицей – говоря по-простому, «продавал» Павлюка. Пусть историки будущего курят фимиами бесстрашным казачьим героям. Хмельницкий-то видел воочию этих полупьяных стражей православия – он сам был из них. Оказаться на месте Павлюка и отдать любимую бычью шею под меч варшавского палача? А вот вам!

То, что наиболее проницательные из современников поняли, что произошло, доказывает дневник участника битвы под Берестечком польского шляхтича Освенцима: «Хмель, увидев, к чему идет, что лагерь с войском его уже взят в осаду, и сеном не выкрутится, разве что выдачей его (Хмельницкого. – О. Б.), если он останется в лагере, поспешил за Ханом с Выговским, советником своим, предусмотрительно спасая свою жизнь и свободу. Поводом было, что он гнался за ханом, чтобы упротить вернуться... Только поводом, чтоб открутиться от казачества и холопства, взятого в блокаду. Иначе они его бы не выпустили и охотно купили бы себе жизнь его головой, если бы он не надул их...»

Как бы там ни было, но целый месяц Хмельницкий провел вместе с татарами. Осажденный казачий лагерь с трех сторон был защищен укреплениями, а с четвертой к нему примыкало непроходимое болото. Десять дней восставшие, выбравшие своим новым предводителем полковника Богуна, мужественно отбивались от поляков. Чтобы выйти из окружения, через болото стали строить плотины. В ночь на 29 июня Богун с войском начал переправу через болото. Как всегда, казаки в первую очередь заботились о себе: первыми тайно через болото переправились казацкие части и артиллерия, оставив в лагере одних крестьян. Когда утром те узнали, что казаки их бросили, обезумевшая от страха толпа бросилась на плотины, которые не выдержали. Масса людей утонула. Одновременно, сообразив в чем дело, поляки ворвались в лагерь и перебили тех, кто не успел бежать.

Затем польское войско, опустошая все на пути, двинулось на Малороссию. Кроме главного польского войска, в походе участвовал и литовский гетман Радзивилл. Он разбил черниговского полковника Небабу, взял Любеч, Чернигов, а затем и Киев, после чего польские и литовские отряды встретились под Белой Церковью. В это время Хмельницкий расположился около местечка Паволочь. Сюда к нему стали стекаться казацкие полковники с остатками своих отрядов. Все были в унынии. Народ относился к Хмельницкому с крайним недоверием и всю вину за поражение сваливал на него. Но все же ему удалось удержать восставших в повиновении.

Видя свое незавидное положение, Богдан начал мирные переговоры с поляками. 17 сентября 1651 г. был подписан так называемый Белоцерковский договор, очень невыгодный для казаков. По новым соглашениям реестр сокращался, шляхта подтверждала свое право на восстановление всех старых привилегий, сами казаки должны были жить только на Киевщине, и, кроме того, договор предусматривал пребывание на Украине польских войск. Новый договор с Речью Посполитой вызвал у крестьян и казаков еще большее озлобление, чем Зборовское соглашение. Когда в Белой Церкви Хмельницкий публично огласил его содержание, на него двинулась разъяренная толпа казаков... Опасаясь весьма вероятного самосуда, гетман, его свита и бывшие при нем польские дипломаты вынуждены были спасаться бегством и искать приюта в Белоцерковском замке. Королевские дипломаты, считая, что самому Хмельницкому жить осталось недолго, попытались бежать, но были пойманы одним из мятежных казацких отрядов... Трудно сказать, какая судьба ждала поляков и Хмельницкого, не подоспей верные гетману войска. Белоцерковское восстание было подавлено, его предводители были публично казнены Богданом. Кроме того, по его же приказанию расстреляли около ста казаков из отряда, захватившего королевских посланцев.

Однако, несмотря на жестокие карательные меры, усмирить восстания не удавалось. Народ сражался сразу против двух врагов – польских панов и «предателя Хмельницкого». Своего пика народные выступления достигли весной 1652 года, реально угрожая свергнуть гетманское правительство. В Малороссии в это время действовал целый ряд никому не подчинявшихся атаманов. Запорожец Сулима, под командой которого собралось до десяти тысяч человек, предложил свергнуть Хмельницкого и передать гетманскую булаву его старшему сыну – Тимофею-Тимишу. Восставшие попытались объединить свои отряды и идти походом на Чигирин, но гетманские войска разгромили их. По всей стране не прекращались бои отдельных отрядов Хмельницкого, шляхты и повстанцев. Позже Богдан в очередной раз укротил и мятежную Запорожскую Сечь, послав туда крупные карательные силы. От этой борьбы всех против всех простой народ начал массово бежать на территории современных Харьковской и Воронежской областей, которые входили тогда в состав царской России.

Огромные территории погрузились в анархию. Поляки, с которыми формально был мир, продолжали военные действия против повстанцев. Весной 1653 г. польский отряд под руководством Чарнецкого стал опустошать Подолию. Чтобы окончательно не потерять власть, Хмельницкий выступил в союзе с татарами против него. Но полякам удалось заключить договор с ханом, по которому орде было разрешено опустошать православные земли Речи Посполитой.

Понимая, что поляки рано или поздно сумеют восстановить свою власть над всей Малороссией, Хмельницкий стал настойчиво просить русского царя принять казаков в подданство. Вопреки распространенному сейчас мнению, Москва вовсе не горела желанием брать под свое крыло Малороссию. Она отказала в этом киевскому митрополиту Иову Борецкому в 1625 году, не спешила она идти навстречу и Хмельницкому. Все же 1 октября 1653 года был созван Земский собор, на котором вопрос о принятии Богдана Хмельницкого с войском запорожским в московское подданство был решен. Тогда же боярин Василий Бутурлин был направлен в Переяславль (встречается и написание Переяслав). В этом городе должны были собраться представители всех слоев малорусского народа на Раду. По всему пути русских послов встречали хлебом-солью. Наконец 8 января 1654 года была собрана Рада, которую Богдан открыл словами: «Вот уже шесть лет живем мы без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, хотящими искоренить церковь Божию, дабы имя русское не поминалось в земле нашей...» Затем гетман предложил народу выбрать себе монарха из числа владык четырех соседних стран: Польши, Турции, Крымского ханства и Московского царства. Народ в ответ закричал: «Волим (то есть желаем) под царя московского!» Переяславский полковник Павел Тетеря стал обходить круг, спрашивая: «Все ли так соизволяете?» Собравшиеся отвечали: «Все единодушно!»

Впрочем, среди казачьей старшины были и противники присоединения к Москве. Наиболее яркими из них были Богун и Сирко, не желавшие подчиняться какой-либо централизованной власти вообще. Тем более что в Московском царстве дворянство не имело и соей части тех прав и вольностей, которыми обладала польская шляхта. Но выступить открыто против царя означало быть растерзанными многими тысячами простонародья. Ведь что означало воссоединение с Московским царством для простого казака? Это значило, что как только из-за пригорка со свистом и криками «Алла!» появятся татары и атаман скомандует: «К бою!», плечом к плечу с казаками станут государевы ратные люди. И степняки, кроме казачьих пик, испытают на себе убийственный огонь московских стрельцов и драгунские сабли. Кто из простых казаков будет возражать против такого? А вот для гетмана и старшины это означало, что к ним будет приезжать боярин и проверять, куда тратятся государственные средства. Кроме того, любой обиженный старшиной сможет пожаловаться в Москву на несправедливость, и даже гетману придется держать ответ перед царскими посланцами. Признание власти царя означало ограничение своеволия старшины законом. Так что Хмель-

ницкий и его окружение шли в московское подданство без энтузиазма. Не зря же они пытались получить от царя подтверждения своих привилегий и прав собственности. Старшина даже попыталась потребовать, чтобы и царь, по примеру польских королей, присягнул им. На это Бутурлин жестко заявил, что такого «николи не бывало и впредь не будет!», и казаки как новые подданные должны были безоговорочно присягнуть на верность царю и впредь во всем подчиняться царской воле. Для русских людей сама возможность о чем-то предварительно договариваться с царем, тем более требовать от него что-либо, казалась кощунственной. Подданный обязан был служить, не ожидая наград, а царь мог по своей милости одарить его за труд. Подчеркну: мог, но вовсе не был обязан. Это была особенность Московского царства. На Западе земли дворянам давали в качестве платы за службу, на Руси князь, а затем царь жаловали своих слуг для того, чтоб они могли служить. В Польше король обязан был отчитываться перед Сеймом, и любой, даже самый худородный, шляхтич мог оспорить королевскую волю. В Московском государстве царь, будучи самодержавным владыкой, отвечал за свои действия только перед Богом. В Речи Посполитой король был по своей сути наемным менеджером, на Руси же царь был отцом и хозяином.

Естественно, казачья верхушка согласилась признать суверенитет русского царя только из страха перед простым народом, который они привыкли презрительно именовать чернью, опасаясь утраты власти над крестьянами, уже давно видевшими в запорожском войске не защитников, а обычных «панов», готовых к тому же в любой момент продать своих соплеменников в татарский плен. В Переяславе наши предки перед крестом и Евангелием дали клятвенное обещание верности Российскому самодержцу, царю Алексею Михайловичу. Государю присягали не как некой отвлеченной личности, но именно как символу русской государственности. Присяга была принесена навечно, за себя и за все последующие поколения.

Еще в течение нескольких месяцев царские бояре с казачьей старшиной объезжали все малороссийские города, объявляя населению о решении Собора, и предлагали присягнуть Государю Алексею Михайловичу. Отказавшимся объявляли, что они люди вольные и могут, забрав свое имущество, перейти на польские земли. По своему представительскому составу Переяславская Рада была самым легитимным собранием за всю историю Малороссии. Ни выборы гетманов, осуществлявшиеся лишь горсткой казачьей верхушки, ни пресловутая центральная Рада, созванная в 1917 году жалкой кучкой самозванцев, не могут сравниться с полнотой народного представительства в Переяславле.

После Переяславской Рады царь удовлетворил практически все поступившие к нему просьбы. Казачество было сохранено, а его реестр расширился до шестидесяти тысяч человек; города сохраняли Магдебургское право; духовенству и шляхте были подтверждены права на все бывшие под их властью имения; налоги, собираемые в Малороссии, оставались в ведении гетмана.

Переход Малороссии в 1654 году под «высокую руку» царя имел решающее значение для хода освободительной войны. С таким мощным союзником малороссам уже не угрожала полная или частичная реставрация польской власти. Зато на место противоречиям между польской шляхтой и абсолютным большинством народа пришли другие – между низшими слоями общества и новой казачьей элитой. Эту новую элиту, которая пришла на место польско-шляхетской, составили сам гетман и верные ему казацкие старшины. Сначала старшина требовала «послушенства» (выполнения натуральных повинностей) по отношению к православным монастырям от их бывших посполитых (крепостных). Затем начали предъявляться требования «послушенства» по отношению к старшине, но не персонально, а «на ранг», то есть население должно было выполнять известные повинности по отношению к полковникам, сотникам, есаулам (пока они занимали эти должности, которые были выборными). Провести строгую грань между «послушенством на ранг» и «послушенством» чисто пер-

сональным было не легко, и на этой почве сразу же начались злоупотребления. Сохранилось немало жалоб на то, что отдельные старшины «послушенство на ранг» превращают в «послушенство» персональное.

Богдан предпринял немало усилий, чтобы сделать своих военачальников крупными землевладельцами. При этом Хмельницкий не забыл, естественно, и про себя. Присоединив к своему хутору Субботову владения польских магнатов Потоцких и Конецпольских, гетман стал одним из самых богатых людей своего времени. Быстро ощутив себя настоящими хозяевами положения, казацкая старшина начала терзать казацкие низы и крестьян различными поборами, что не могло не привести к очередному росту оппозиционных настроений, которые особенно усилились в конце 1656 – начале 1657 г. Центром антигетманской оппозиции стала тогда Запорожская Сечь. Мятежные запорожцы собирались организовать поход «на Чигирин, на гетмана, на писаря, на полковников и на всякую другую старшину...» Однако весной 1657 года войска Хмельницкого подавили и это восстание, казнив всех его руководителей. Это была последняя карательная акция гетмана Богдана Хмельницкого, так как через три месяца он скончался.

После Хмеля

До 1648 года казачество было явлением посторонним для Малороссии. Казаки жили в «диком поле» на окраине, вся же остальная часть земель управлялась польской администрацией. После ее изгнания казаки воспользовались ситуацией, и их система управления была перенесена на огромные территории, занятые восставшими. Поскольку повстанческая армия создавалась по казачьим образцам и управлялась казаками, то казачьи полковники управляли и всеми людьми на территории, которую занимали их отряды. Пока существовала возможность того, что Малороссия останется под властью Польши, гетман и старшина рассматривали свою власть над ней как временное явление. Зборовский и Белоцерковский договоры не оставляли места ни для какой гетманской власти на Малороссии после ее замирения и возвращения под руку короля. Казачество, по этим договорам, увеличивалось в числе, получало больше прав и материальных средств, но по-прежнему считалось лишь особым видом войска польского. Гетман – его предводитель, но никак не правитель территорий. Это положение сохранялось и после перехода под власть Москвы. Считалось само собой разумеющимся, что московские воеводы должны были занять место польских. Но царь так и не послал достаточного числа своих чиновников в Малороссию, де-факто доверив создание местной администрации Хмельницкому. Казаки стали управлять и собирать налоги. В результате, когда в 1657 году московское правительство послало воевод в крупнейшие города Малороссии, Иван Выговский, сменивший Хмельницкого на посту гетмана, стал решительно противодействовать введению царской администрации. Зато мещане и крестьяне многократно просили заменить казачью администрацию царской. Если бы Московское правительство лучше разбиралось в ситуации, то оно бы могло вообще игнорировать гетмана и старшину, опираясь исключительно на народные массы. Но Москва не проявила решительности, и русская администрация, так и не укоренившись на новых землях, была форменным образом вытеснена оттуда. Русские войска получили указ стать гарнизонами для защиты края от поляков и татар, но никоим образом не вмешиваться в дела Малороссии.

Вскоре Выговский пошел на открытую измену. Причины были сугубо материальные. Как мы помним, все налоги, собранные в Малороссии, оставлялись гетману, чтобы он из этих сумм содержал казачество и возрождал край, разоренный войной. Однако это решение было утаено старшиной от казачества, и четыре года практически все деньги оседали в гетманской сокровищнице. Казакам же объявлялось, что Москва жалование не присылает. И вдруг воевода В.Б. Шереметев по всем городам велел объявить о том, куда идут деньги. Практически сразу Выговский начал подготовку к мятежу. Не доверяя казакам, он создал отряды наемных войск из немцев, а кроме того, вступил в тайные переговоры с татарами и Польшей.

Его приготовления не остались незамеченными сторонниками воссоединения с Россией. Полтавский полковник Мартын Пушкарь и запорожский кошевой атаман Барабаш неоднократно доносили в Москву о подозрительных действиях Выговского, но Москва не предприняла никаких мер и по-прежнему верила в лояльность Выговского. Летом 1658 года Выговский, имея уже твердое обещание помощи от Польши и татар, двинулся на Полтаву. При помощи наемников (немцев и татар) ему удалось разбить отряд Пушкаря и пришедших к нему на помощь запорожцев. В награду за помощь Выговский дал татарам разрешение увести в рабство население нескольких городов.

Расправа над Пушкарем была в то же время открытым разрывом с Россией и началом активных действий Выговского против Москвы. В Варшаву для переговоров о возвращении Малороссии под власть польского короля он послал Павла Тетерю, а своему брату с крупным отрядом поручил захватить Киев и изгнать оттуда московский гарнизон. Под Киевом ждал

полный конфуз: русские ратники и верные казаки разгромили изменников. На помощь брату бросился сам Выговский, но был взят воеводой Шереметевым в плен. Гетман второй раз присягнул на верность России, обязуясь не воевать больше с царскими войсками, распустить свою армию и отправить татар в Крым. С сообщением о своей повинной Выговский отправил в Москву белоцерковского полковника Ивана Кравченко. Шереметев поверил лживым словам и отпустил Выговского с миром.

Если в открытом бою Выговскому не повезло, то переговоры с Польшей пошли гладко, и уже в сентябре 1658 г. был заключен так называемый «Гадячский договор», по которому Малороссия возвращалась в состав Польши под именем «Русское княжество», состоящее из воеводств: Брацлавского, Киевского и Черниговского. Численность войска «Русского княжества» определялась в 30 тысяч казаков и 10 тысяч наемного войска. Социальный порядок в основном восстанавливался такой же, как был до восстания 1648 года. Польские помещики получали обратно свои имения и крепостных; католики и униаты – свои права. Выговский и его окружение получили жалованные грамоты от короля на большие имения и крепостных.

Но провести в жизнь статьи «Гадячского договора» оказалось гораздо труднее, чем их составить и написать. Во-первых, Москва, конечно, его не признала и объявила Выговского изменником, а во-вторых, нетрудно представить реакцию населения, узнавшего о том, что гетман продал его Польше. В начале 1659 г. Выговский попытался с помощью польских войск подчинить себе Левобережье, сильно тяготевшее к Московской Руси, но, встретив ожесточенное сопротивление казаков и русских отрядов, вернулся на правый берег Днепра. Одновременно и русские войска начали движение в Малороссию. В апреле эта армия, вобравшая в себя и верных Москве казаков, под командованием Алексея Трубецкого подошла к Конотопу, где закрепился сторонник Выговского Гуляницкий. Сам гетман с немногочисленным, оставшимся ему верным войском ушел на юг, дожидаясь подкрепления от татар и поляков. Князь Трубецкий не хотел лишнего кровопролития и потому пытался уговорами заставить мятежников сдаться. Но наемники Выговского сдаваться не собирались, и московское войско начало осаду, надеясь, что голод образумит выговцев.

В конце июня ситуация заметно изменилась. В пределы Малороссии вошла огромная армия крымского хана Мухаммед-Гирея. Хан потребовал, чтобы Выговский и его старшина присягнули на верность татарам и поклялись, что будут сражаться с русскими. Разумеется, Выговский присягнул и хану, как до этого присягал царю и королю. В общем, история политического предательства на Украине началась задолго до нашего смутного времени.

Огромная ханская армия двинулась на Конотоп, в ее обозе плелись и части Выговского. В устах современных украинских историков эта армия почему-то называется казацко-татарской, хотя силы Выговского составляли едва ли десятую часть от татарской орды. Помню даже, что в учебнике, по которому в школе учился автор данных строк, на полстраницы была напечатана картина «Разгром русских войск под Конотопом». Национально-свидомые очень любят к месту и не к месту упоминать об этом поражении русской армии и дико гордятся этими событиями. Хотя понять причину этой иррациональной гордости мне лично очень трудно. Судите сами.

По приказу хана Выговский утром 29 июня 1659 года атакует русский лагерь возле Сосновской переправы под Конотопом. После короткого боя русская дворянская конница опрокидывает нападавших, и они начинают беспорядочно отступать к реке. Русские ратники под командованием князя Семена Пожарского бросаются следом, безжалостно рубя бегущего противника. Конотопские поля покрываются телами людей Выговского. В азарте погони русские кавалеристы отрываются от своих основных сил и буквально налетают на всю мощь крымско-татарского войска. Была ли это специально организованная засада или хану просто повезло – неизвестно, но русская дворянская конница оказалась окруженной ордынцами и героически погибла в неравном бою. Различные источники называют разные цифры русских

потерь: от пяти до двадцати тысяч человек. Скорее всего, истина где-то посередине, во всяком случае, значительная часть кавалерии сумела пробиться обратно. Сам князь Пожарский был ранен и попал в плен. Представ перед торжествующим Выговским и Мухаммед-Гиреем, Пожарский бросил в лицо первому обвинение в измене, а второму – в вероломстве. Когда хан стал бахвалиться победой, князь плюнул ему в лицо. Взбешенный хан приказал отрубить русскому военачальнику голову.

Затем ордынцы кинулись на основные силы армии князя Трубецкого. Из укрепленного русского лагеря картечью ударили пушки, пешие солдатские полки открыли огонь из пищалей. Татарская атака захлебнулась. Русский лагерь под Конотопом был фактически окружен татарской ордой и наемниками Выговского. Трубецкой отдал приказ готовиться к прорыву. До московской границы предстояло двигаться по открытой равнине, очень удобной для татарских налетов. Поэтому русская армия двинулась «табором», «гуляй-городом»: войска шли в кольце обозных телег, которые, сомкнувшись, образовали своего рода передвижную крепость.

С диким воем татары кидались в атаку, стремясь своей массой прорвать тонкую линию телег и ворваться в центр русских порядков. В упор по татарской конной лаве били десятки орудий, из-за телег ратники вели непрерывный ружейный огонь. Теряя сотни воинов, ордынцы откатывались. Тогда телеги размыкались и оставшиеся в живых воины дворянской конницы вылетали вперед, рубя степняков. Те бросались в рукопашную схватку, но наши воины отступали за ряды возов. Татары оказывались перед телегами и опять попадали под убийственный огонь. И все повторялось снова.

Три дня, огрызаясь сталью и свинцом, русское войско отступало к Путивлю. Три долгих летних дня длилась эта битва. Наконец, войска подошли к пограничной реке Сейм. Составленные полукругом телеги образовали предместное укрепление, под прикрытием которого наши навели мосты. Затем в полном порядке на правый (русский) берег отошли солдатские и рейтарские полки, дворянская конница, были переправлены все пушки и обозы. Русская армия вырвалась из ловушки. Видя такое дело, крымский хан решил больше не испытывать судьбу и отошел назад, начав грабить малороссийские города и села. Вопреки бредням нынешних свидомитов, никакого сокрушительного поражения русское войско не потерпело.

Так чем же гордятся украинцы? Тем, что татары использовали людей Выговского как штрафбат, послав их в первую самоубийственную атаку? Тем, что потом татары в лапы пограбили Украину? Этим сражением могут гордиться русские – они сумели прорваться через несметные полчища татар. Этим сражением мог гордиться крымский хан: все-таки он серьезно потрепал московскую дворянскую конницу. А вот духовным наследникам Выговского гордиться совершенно нечем. Или, может быть, свидомые – никакие не украинцы, а потомки татар, мимикрировавших под более цивилизованный народ?

Оставшийся без татар Выговский не решился штурмовать Путивль и отошел к Гадячу. Отсюда гетман послал польскому королю трофеи, взятые им (а точнее татарами) под Конотопом: большое знамя и барабаны, чем еще раз подтвердил, кому он служит на самом деле. Все это время в народе росло недовольство расположившимися в Чернигове, Нежине, Прилуках польскими гарнизонами, посланными королем в помощь Выговскому. Малороссийский народ был вынужден снова братья за оружие. Непрерывные бои и столкновения превратили этот некогда цветущий край в пустыню. В некоторых городах стояли польские гарнизоны, в Киеве засел русский гарнизон князя Шереметева, часть городов была подконтрольна вольным атаманам или людям Выговского. Вскоре на Левобережье началось открытое восстание против Выговского. По призыву переяславского полковника Тимофея Цецюры народ расправился с поляками, расположившимися в левобережных городах. Полковники Иван Богун и Михаил Ханенко возглавили всенародное выступление против Выговского. На сто-

рону восставших перешли авторитетнейшие казаки – соратники и родственники Богдана Хмельницкого: Василий Золоторенко и Яков Сомко. Оправившаяся от неудачи под Конотопом армия Трубецкого, не встречая сопротивления, снова вошла в Малороссию.

В Запорожье казаки провозгласили новым гетманом сына Богдана Хмельницкого Юрия. В сентябре под Белой Церковью друг против друга стали два войска – Выговского и Хмельницкого. Казаки обеих армий собрали раду и решительно заявили, что не будут сражаться против Москвы. Выговский, лишившийся последних сторонников, только поспешным бегством спасся от расправы. 17 октября 1659 г. состоялась новая Переяславская рада, о которой сегодня на Украине не вспоминают. Герой Конотопского сражения князь Алексей Трубецкой привел к присяге на верность русскому царю нового малороссийского гетмана Юрия Хмельницкого.

Судьба Выговского (кстати, поляка по происхождению) абсолютно неоспоримо доказала, что народ Малороссии изменять Москве не хотел – он оставался верен решениям Переяславской рады. Без наемников Выговский не правил бы ни единого дня. Оставленный всеми, Выговский в сентябре 1659 года бежал в Польшу, где через пять лет после этого был обвинен своими хозяевами-поляками в измене и расстрелян. Измена Выговского раскрыла Московскому правительству глаза на антагонизм между казачеством, с одной стороны, и крестьянами с мещанами – с другой. Кроме того, пришло понимание, что десятки тысяч человек только называются казаками, а на самом деле они – те же мужики, которых старшина притесняет, как мужиков. Старое казачество не желало знать попавших в реестр после Зборовы или Переяслава, новичков отстраняли от управления и «хлебных» должностей. Например, Выговского гетманом выбирала исключительно старшина, а когда на Раду попытались войти простые казаки, то перед ними просто закрыли ворота. Русское правительство поняло, что не старшина удерживает Малороссию под властью Москвы, а простой народ.

Андрусовское перемирие

Начатая в 1654 году война Москвы с Польшей продолжалась с переменным успехом. Измена Выговского и интриги казацкой старшины вносили элемент недоверия и давали Москве основание сомневаться в своих союзниках, лишали ее возможности вести наступательные операции, как это было в начале войны.

В результате Москва и Варшава заключили в 1667 году в селе Андрусове перемирие, по которому Малороссия делилась на русскую и польскую части. Москва получила Левобережье, а Польша Правобережье, за исключением Киева с ближайшими окрестностями. Обширная область запорожских казаков, согласно Андрусовскому перемирию, оставалась под совместным «наблюдением» Москвы и Польши. Вместо одного гетмана теперь появились отдельно гетман Левобережья, подвластный Москве, и гетман Правобережья, подвластный Польше. Но гетманы не особенно считались с разделением Малороссии, и каждый из них предьявлял права на всю Украину, что вело к бесконечным столкновениям и политическим комбинациям, продолжавшимся еще почти 20 лет.

Юрий Хмельницкий после поражения московских войск под Чудновом на Волыни в 1660 году согласился на мир с Польшей на условиях Гадячского договора и был признан поляками Правобережным гетманом. Вместе с поляками он организовал поход на левый берег Днепра, но потерпел страшное поражение от русских войск и казаков полковника Сомко. По некоторым данным, польско-казацкая армия потеряла только убитыми двадцать тысяч человек. Юрий Хмельницкий утратил остатки своего влияния и в начале 1663 года отрекся от гетманства и постригся в монахи.

На Левобережье казаки занялись выборами своего, Левобережного гетмана. Началась борьба между партиями кандидатов на гетманскую булаву Якима Сомко и Василия Золотаренко. Каждый из них искал помощи и поддержки в Москве, но царь, уже вдоволь насмотревшийся на измены казаков, не спешил с решением и занял выжидательную позицию. Больше двух лет тянулась эта борьба между сторонниками Сомка и Золотаренка, пока на сцене не появился третий кандидат – запорожский кошевой атаман Иван Брюховецкий. В отличие от первых двух кандидатов, он был выходцем из простолюдинов, его поддерживали не только запорожцы, но и широкие массы низшего казачества, крестьянства и мещан.

В 1663 году Москва, наконец, приняла решение всенародно провести выборы нового гетмана. На раду в Нежине съехались все три кандидата со своими сторонниками. Поскольку в раде принимало участие простолюдины, она получила название «Черной». Эдакие свободные демократические выборы. Правда, с особым местным колоритом. У нас вообще, как демократические выборы, так какая-то чехарда начинается. Так что Ющенко в 2004 году просто следовал национальным традициям. Чтобы передать атмосферу Черной рады, опять процитирую Олеса Бузину.

Яким Сомко прибыл в Нежин в середине июня с большим отлично экипированным Переяславским полком – самым важным на левом берегу Днепра. Когда Сомко расположился лагерем перед городскими воротами, к нему присоединился нежинский полковник Золотаренко со всеми своими людьми. Зачем-то (видимо, чтобы вернее считать голоса!) он прихватил с собой еще и пушки. Это особенно не понравилось присланному из Москвы князю Великогагину – царскому представителю на выборах.

Брюховецкий отаборился с другой стороны города и поспешил замолвить за себя словцо перед Великогагиным. Мол, я человек мирный, его царскому величеству преданный, пришел без артиллерии и готов избираться. При этом каждый из претендентов именовал себя гетманом и требовал, чтобы рада происходила на той стороне города, где он засел. Сомко даже угрожал вернуться домой в Переяславль, если выборы не будут на месте его

ставки. Но Великогагин, которому такая строптивость очень не понравилась, велел поставить царскую палатку на противоположной стороне – ближе к Брюховецкому.

Скандал, который произошел дальше, прекрасно описан в дневнике Патрика Гордона – шотландского наемника, служившего в русской армии: «17-го часов в 10 утра окольныйный явился с войском к царской палатке. После того как была расставлена стража, Сомко с оружием и развевающимися знаменами выступил из своего лагеря; то же сделал и Брюховецкий. В это время несколько рядовых казаков перешли от Сомка к Брюховецкому. Хотя окольныйный и велел сказать им, что они должны были явиться без оружия, но они не обратили на это внимания. По прибытии епископа окольныйный, захватив с собой царскую грамоту и выйдя из палатки, послал Сомку и Брюховецкому приказ подойти без оружия со всеми офицерами и лучшими казаками к палатке. Все исполнили этот приказ, кроме Сомка, оставившего при себе саблю и сайдак.

Когда пехота построилась с обеих сторон, а окольныйный, епископ, стольники и дьяки встали на скамьи, была прочитана царская грамота, в которой казакам повелевалось выбрать себе гетмана и указывалось, как следовало поступать при избрании. Грамота не была еще дочитана и до половины, как между казаками поднялся сильный шум: одни кричали – Сомко! другие – Брюховецкий! Когда эти крики были повторены при снятии шапок, то пехота Сомка, проникнув с его бунчуком и знаменами вперед, покрыла его знаменами, посадила на скамью и провозгласила гетманом. Во время этого смятения окольныйный и остальные были принуждены сойти со скамей и были очень рады, достигнув палатки. Между тем казаки, составлявшие партию Брюховецкого, принесли его бунчук и знамена на то место, где находился Сомко с своим бунчуком, и, оттеснив его с приверженцами от этого места, сломали древко бунчука и убили державшего его. Волнение было так велико, что если бы по приказанию полковника Штрасбурга не было брошено несколько ручных гранат, то казаки наверно сломали бы палатку; гранаты же очистили место перед палаткой, на котором остались только убитые и раненые. Сомко вскочил на лошадь и вернулся со своим расстроенным отрядом назад в лагерь. Его предводительский жезл и литавры были захвачены отрядом Брюховецкого.

На следующий день большая часть людей Сомка перешла к Брюховецкому. Выборы закончились. Украина получила нового гетмана. Демократически избранного, но весьма противного. Он тут же провел политическую реформу, расставив везде своих людей, и велел казнить проигравшего выборы Сомка. Три дня чернь грабила богатых казаков, а старшина скрывалась где могла, меняя, по меткому выражению Самовидца, «жупаны кармазиновые на сермяги».

Ровно через пять лет в результате подобных «выборов» был убит и сам Брюховецкий. Его конкурент – Петр Дорошенко, как пишет тот же Самовидец, «позволив забити голоті Брюховецького. И так голота тиранськи забила и замордувала Брюховецького». После чего все снова закончилось грабежом».

На момент с гранатами стоит обратить особое внимание. Мы тут оранжевой революцией возмущались, а ведь, оказывается, все может быть еще круче. Если, конечно, следовать национальным традициям...

Но вернемся к нашим... героям.

Став гетманом, Брюховецкий немедленно расправился не только со своими соперниками – Сомком и Золотаренко. По уже сложившейся традиции, имущество проигравших было разграблено. Во внутренней политике Брюховецкий сначала строго придерживался Переяславского акта и всячески подчеркивал лояльность царю. За это он получил звание боярина и жалованные царские грамоты на вечное владение городом Гадячем с окрестными селами и, разумеется, с населением этих сел.

А на правом берегу Днепра поляки тем временем поставили своего верного слугу полковника Павла Тетерю гетманом. Вообще, похоже, что король Ян-Казимир всерьез решил взять реванш за все поражения Речи Посполитой последних десятилетий. Собрав огромное по тому времени войско в 120 тысяч бойцов, заручившись поддержкой татар и рассчитывая на верность казачьих частей Тетери, король Ян-Казимир двинулся на восток. Его целью было не только возвращение Левобережья в состав Речи Посполитой, но и полный разгром Московского царства. Римский Папа попытался придать действиям поляков характер крестового похода, для чего католическая церковь повела активную пропаганду в Европе. В результате этого в армии Яна-Казимира было 10 тысяч немцев, а также определенное количество добровольцев и наемников со всей католической Европы. Среди последних был французский герцог Грамон, оставивший подробные записки о боевых действиях.

В начале 1664 года поляки подошли к Глухову, за стенами которого укрылись русские войска под командованием воеводы Ромодановского и гетман Брюховецкий с казаками. Ян-Казимир попытался сходу взять Глухов штурмом, но был отбит с большими потерями.

После неудачной попытки взять Глухов приступом поляки начали осаду, постоянно делая новые попытки взять город штурмом. Осада затягивалась. А в это время вспыхнуло восстание в тылу и на линиях сообщений королевской армии. Как и в 1648 году, все русские люди взялись за оружие. Повстанцы и отряды регулярной русской армии истребляли оставленные поляками гарнизоны, перехватывали все обозы. Вскоре польская армия оказалась полностью отрезанной от Речи Посполитой. Постоянные кровавые, но безрезультатные штурмы, нехватка продовольствия, молниеносные удары русский воинов, истреблявших небольшие отряды поляков, а затем бесследно исчезавших, подточили силы королевских воинов. А из Москвы на помощь Ромодановскому спешил 50-тысячный отряд князя Черкасского. Чтобы спасти остатки своей армии, Ян-Казимир начал поспешное отступление, которое превратилось для поляков в сущий ад. Едва ли сорок тысяч голодных и измученных человек сумели вырваться из разоренной, объятай восстанием Малороссии. Это был полный разгром Речи Посполитой, от которого она уже никогда не оправилась. Почти восемьсот лет подряд Польша непрерывно наступала на восток, захватывая одну русскую землю за другой. Отныне наступать будет Россия, а ее агрессивный и гонористый западный сосед будет отбиваться, пока вовсе не исчезнет с политической карты Европы.

Победа над поляками под Глуховом укрепила позиции державшегося русской ориентации левобережного гетмана Ивана Брюховецкого. На Правобережье же против поляков и их ставленника гетмана Тетери начались восстания и бунты в казачьих полках, поддержанные запорожцами. В результате в 1665 году Тетеря отрекся от гетманской булавы и бежал к полякам, а на ставшее вакантным место правобережного гетмана был избран Петр Дорошенко.

Дорошенко

Поляки с Правобережья были изгнаны, и Дорошенко стал правителем над огромной территорией. Впрочем, он прекрасно понимал, что, как легко казачья стихия его вознесла, так же легко и сбросит. Ведь его личного авторитета было явно недостаточно, чтобы удерживать в подчинении склонные к анархии массы казаков. Да и желающих отобрать булаву хватало. Поэтому перед Дорошенко встал выбор, чью власть над собой признать. О возвращении под руку короля и речи идти не могло, учитывая антипольские настроения населения. А с Москвой у Дорошенко отношения были весьма напряженные, так как, еще будучи на польской службе, он немало досадил царским войскам. В результате недолгих раздумий он избрал турецкую ориентацию и отдал под верховную власть турецкого султана подвластную ему территорию Брацлавщины и южную часть Киевщины (которые были очищены от поляков в результате народных восстаний 1665 года), а также Подолию.

Султан, разумеется, охотно принял подарок Дорошенка и подтвердил его звание гетмана. Кроме того, султан объявил, что считает в составе своей империи не только территорию, контролируемую Дорошенком, но и всю Малороссию, т. е. и те ее части, которые находились под властью Польши в составе «Русского княжества». Естественно, что ни Москва, ни Варшава не признали передачу Турции Дорошенком территорий. Но в это время Московское царство и Польша все еще находились в состоянии войны и потому начинать военные действия против Оттоманской Порты не имели возможности.

Новая ориентация Дорошенка (несмотря на то что он открыто о ней не объявлял) стала известна народу и вызвала острое возмущение во всех слоях населения, которое только росло при появлении очередных турецких отрядов. Среди старшины были сторонники польской ориентации. Эти люди хотели бы построить свое будущее в совместном с Польшей государстве на условиях неосуществленного «Гадяцкого договора», а потому они интриговали и поддерживали контакт с поляками. Широкие народные массы стихийно тянулись к воссоединению с единоверным и единокровным Русским государством. Популярность Дорошенка стала быстро падать. Его внутренняя политика также вызвала недовольство, т. к. она в основном проводилась в интересах старшины, в ущерб интересам остального населения. В результате началось массовое переселение на Левобережье, где жизнь была значительно легче, а главное – безопаснее.

На Левобережье после 1664-го года жизнь протекала сравнительно мирно, и русские воеводы совместно с гетманом Брюховецким выработали план административных реформ, известный под названием «Московские статьи». Правда, как только наступило относительное спокойствие, старшина вновь начала захватывать в собственность земли вместе с живущими на них крестьянами, которых силой превращали в крепостных. Население роптало, авторитет и популярность Брюховецкого стремительно падали. Тем более что гетман занялся беззастенчивым набиванием карманов за счет населения, которое он должен был защищать. В итоге крестьянство получило себе на шею новый класс эксплуататоров в лице казацкой старшины. Похоже, что жадность и властолюбие полностью затуманили гетману мозги, и он решился, говоря сегодняшними словами, «кинуть» Москву. Тем более Дорошенко предложил объединить владения обоих гетманов под главенством Брюховецкого. С чего бы это правобережный гетман делает столь щедрое предложение, Брюховецкий не подумал... Видимо, фразы «жадность фраера сгубила» не слышал. Честно говоря, и не мог слышать, так как она дитя нашего беспокойного времени, но какие-то ее аналоги должны были существовать и в семнадцатом веке. В общем, Брюховецкий поверил и, заручившись поддержкой татар, поднял мятеж против царя.

Пока Брюховецкий, при помощи подоспевших к нему из Крыма татар, занимался изгнанием русских гарнизонов с Левобережья, Дорошенко с большими силами переправился через Днепр и весной 1668 года двинулся в глубь Левобережья. Думая, что это явилась помощь, Брюховецкий прибыл в дорошенковский лагерь... и был незамедлительно убит. Из бывших сторонников Брюховецкого протестовать не решился никто.

Вволю пограбив, Дорошенко вернулся за Днепр, оставив на Левобережье наказным гетманом черниговского полковника Демьяна Многогрешного. А тот, не будь дурак, дождавшись, пока Дорошенко с татарами удалится подальше, открыто принял русскую ориентацию и отказался признавать власть Дорошенко над Левобережьем. Отпадение Многогрешного и всего Левобережья было тяжелым ударом для Дорошенко. Но, как говорится, нечего на зеркало пенять, коли рожа крива. Сам воспитал таких сподвижничков. Конечно, Дорошенко такого простить не мог и, несомненно, опять с татарами и турками ринулся бы на левый берег Днепра. Но султан свои войска отозвал, и тут же несколько человек подняли мятежи против Дорошенко и объявили себя гетманами.

Понятно, что спасти уже не власть, а саму жизнь Дорошенко могло только вмешательство Турции. Ведь сохранить булаву и свою власть над народом Дорошенко мог только в случае решительной победы султана над Польшей и Москвой. Поэтому Дорошенко начал торопить султана с походом в Малороссию.

Наконец султан решился начать войну и послал армию для отвоевания от Польши «своего» Правобережья, а потом от Москвы «своего» Левобережья. Турки двинулись на завоевание всей Малороссии (ныне называемой почему-то «Украиной»). Султан Магомет IV в конце 1671 г. официально уведомил Польшу, что идет на нее войной за то, что та беспокоит владения присягнувшего Турции ее вассала Дорошенка. Впереди собственно турецкого войска наступали крымские татары, которые изгнали с Правобережья польские отряды. Затем главные турецкие силы, к которым присоединился и Дорошенко, нанесли полякам ряд крупных поражений, взяли польскую крепость Каменец-Подольск и подошли ко Львову. Разгромленная Польша запросила мира, который и был заключен 7 октября 1672 г. в Бучаче. Условия мира были крайне унижительны и тяжелы для Речи Посполитой. Польша признала себя данником Турции, обязалась ежегодно выплачивать дань и отказывалась от всех прав на Правобережье, переходившее в собственность султана.

Разгром Речи Посполитой и ее отказ от Правобережья освободил Москву от обязательства выполнять условия Андрусовского перемирия, отдававшего Правобережье Польше. Перед Московским царством встал вопрос об освобождении Правобережья, теперь уже не от Польши, а от Турции. Кстати, эту идею Москве подсказал не кто иной, как Дорошенко, готовившийся таким образом к очередной измене – теперь султану. В обмен на переход на сторону Москвы в войне с турками Дорошенко ставил следующие условия:

- чтобы на всей территории Малороссии был только один гетман – разумеется, Дорошенко;
- чтобы были выведены все русские гарнизоны;
- чтобы вся администрация была исключительно казацкая без права вмешательства Москвы;
- чтобы он (Дорошенко) мог беспрепятственно сноситься с другими государствами;
- чтобы Московское царство защищало Малороссию от Турции и от Польши.

Впрочем, Москва, зная склонность Дорошенко к изменам, не стала связываться с ним. Действия царской администрации были красивы и действенны. Новый левобережный гетман Иван Самойлович (ставленник Москвы) пригласил в марте 1674 года в город Переяслав полковников десяти правобережных полков, которые прибыли, даже не известив об этом своего гетмана Дорошенко. Напомним, что полк – это не только воинский отряд, но и территория, на которой он формировался. Все десять полковников согласились признать власть

России. Самойловича провозгласили гетманом этих полков, и он стал, по сути, правителем всей Малороссии. Отныне положение Дорошенко стало безнадежным. С помощью турецко-татарской армии Дорошенко начал умирять те полки, которые высказались за Самойловича и Россию, но успеха не добился. Наоборот, эта карательная экспедиция окончательно оторвала от Дорошенка последних его сторонников. Когда татары вернулись в Крым, гетман остался беззащитен.

В сентябре 1676 года к Чигирину, где засел Дорошенко, подошли казачьи полки Самойловича и русский отряд князя Ромодановского. Понимая бессмысленность сопротивления, Дорошенко сдался на милость победителей. Что удивительно – царь не только простил его, но и назначил на пост Вятского воеводы. Со временем ему было пожаловано большое имение недалеко от Москвы с крепостными крестьянами. Тут Дорошенко, ставший московским помещиком, в 1698 г. мирно закончил свою бурную жизнь.

Впрочем, решить все проблемы, избавившись от Дорошенко, не удалось. Считавшая Малороссию уже своей, Турция начала войну против России. По приказу султана в одном из монастырей был разыскан уже забытый всеми Юрий Хмельницкий. По воле падишаха Константинопольский патриарх снял с Хмельницкого монашеское пострижение, и сын великого Богдана был назначен султаном в 1677 году на место Дорошенко с титулом «князя Малороссийской Украины». Так сын «батьки Хмеля» стал служить Османской империи.

Для поддержки своего вассала османы предприняли два похода на Правобережье. Первый поход стотысячной турецкой армии и сорокатысячной татарской орды в 1677 году кончился катастрофой. Войска князя Ромодановского и казачьи полки Самойловича под Чигирином разгромили Ибрагим-пашу в пух и прах.

В следующем году османскую армию в поход повел визирь Кара-Мустафа. Под его знаменем было почти двести тысяч воинов ислама. Он планировал не просто захватить Приднепровье, а поставить на колени все Русское царство, заставить его платить дань Стамбулу, как это удалось сделать с Польшей. Турки всерьез намеревались покорить саму Москву.

Со времен Золотой Орды Русь не знала столь страшного вторжения. 12 июля 1678 года под все тем же Чигирином началась грандиознейшая битва, которая закончилась только через месяц. Чаша весов несколько раз склонялась то в одну, то в другую сторону, но в итоге огромное численное превосходство турок перевесило. Взорвав укрепления Чигирина, русские войска начали отступление. Казалось бы, Турция победила, но такие победы принято называть пирровыми. У турецкой армии уже не было сил воспользоваться моментом. Некоторое время солдаты султана преследовали русских ратников, но не делали даже попытки атаковать. Ведь русская армия вовсе не разгромлена! Да, князь Ромодановский отступает, да, поле боя осталось за турками, но русские отходят в полном порядке, с барабанным боем и развернутыми знаменами. И турки не только не нападают на отступающую армию, не только отказываются от похода на Москву. После Чигирина турки вообще не хотят больше воевать с Москвой. Слишком уж это дорогое и опасное удовольствие. Вскоре был заключен мир, согласно которому Турция отказалась от претензий на Киев с окрестностями и на все Левобережье, а Россия отказалась от претензий на Правобережье, где стал править турецкий вассал «князь» Хмельницкий, который обосновался в Немирове. Через год он сделал набег на Левобережье, но был легко отбит. Вскоре турки убили Хмельницкого и назначили нового «Малороссийского князя» – Дуку.

К сожалению, история той русско-турецкой войны оказалась почти забытой нынешними русскими. А ведь тогда под Чигирином великороссам и малороссам (Петровым и Петренко, Ивановым и Иваненкам) удалось остановить страшную силу! Нанести поражение туркам, дотоле считавшимся практически непобедимыми. Перед турками, что до того покорили Багдад и Константинополь, завладели всеми Балканами, Египтом, Северной Афри-

кой, подчинили себе Северное Причерноморье, Крым и Кавказ, которые громили венгров и австрийцев!

Получив урок под Чигирином, султан предпочел искать себе более слабого соперника и обрушился на Австрийскую империю. Под Веной в 1683 году произошло сражение, от которого зависела судьба Европы. Против турок сражались объединенные силы австрийцев, поляков, немцев и венгров. Руководил общеевропейской армией польский король Ян Собеский. С огромным трудом, но все же ему удалось победить. Кроме того, что была спасена Вена, поляки вновь попытались захватить Малороссию. Правда, сил на полномасштабную войну с Московским царством у них уже не хватало.

После длительных переговоров во Львове в 1686 году между Россией и Польшей был заключен «вечный мир». Его условия во многом повторяли Андрусовское перемирие, но были более выгодными для Москвы. Так, по новому миру Киев и Запорожье навсегда отходили к России. Прочее же Правобережье, ставшее практически безлюдной пустыней, оставалось польским.

После установления прочного мира Москва свела на нет свою администрацию в Малороссии и фактически отдала все бразды правления гетману Самойловичу и его старшине. И до учреждения «Малороссийской коллегии» в 1722 году московские самодержцы довольствовались номинальным пребыванием края в составе русского государства.

Так закончился долгий период борьбы малороссов за воссоединение с Московским царством. Мать городов русских Киев был освобожден от чужеродного и иноверного господства. Православие было спасено от уничтожения, а народ – от ополячивания. Однако своевольная и склонная к интригам и изменам казацкая старшина не раз ставила под угрозу великое дело воссоединения русского народа. Ее непомерные амбиции стоили жизни десяткам тысяч человек. История так называемой «независимой Украины» второй половины семнадцатого века – это кровавый хаос, смута, междоусобицы, подлость, алчность и предательства. Кроме того, представители старшины, пользуясь невмешательством царя во внутренние дела Малороссии, за необычайно короткий срок превратились в обладателей богатейших имений с тысячами крепостных. По сути, избавившись от польского гнета, малороссы попали под гнет казацкий, зачастую столь же тяжкий.

Может возникнуть вопрос: почему же Москва допустила закабаление Малороссии кучкой самозваной казацкой старшины? Ответ прост: Московское царство при Алексее Михайловиче еще не оправилось после Смутного времени и было чрезвычайно слабо. Именно из-за этого царь очень долго отказывался принимать Малороссию в подданство. Откликнувшись на призыв Хмельницкого, Россия была вынуждена ввязаться в изнурительную многолетнюю войну с Польшей, полностью истощившую казну Московского царства. Так что московское правительство вынуждено было для удержания Малороссии задабривать казачество, которое было опасно своей близостью к Польше и Крымскому ханству. В любой момент казаки готовы были пойти на предательство, если это обещало им хоть какую-то материальную выгоду. Приходилось идти на уступки и смотреть сквозь пальцы на многие неблагоприятные дела старшины, ради избежания очередного мятежа.

Казаки, превратившиеся в класс властителей, стремились к полной независимости от всякого внешнего контроля, для чего предпринимали попытки настроить малороссов против Москвы. Именно на период второй половины XVII века приходится зарождение того, что позже перерастет в идеологию сепаратизма и украинства. В среде старшины (зачастую польской по крови) было выработано многое из того, что потом станет навязываться малорусскому народу как национальное самосознание. Потрудились над разжиганием розни и поляки, выпустившие сотни памфлетов и книг против Москвы. Весь фонд легенд и анти-московских выдумок, которыми пользуются современные свидомиты, был выдуман именно

поляками и казацкой старшиной. Но все же народ Малороссии прекрасно понимал свое единство с великороссами.

Сегодня создан целый пласт литературы, героизирующей деятелей того периода истории. Стараниями свидомитских борзописцев продажные иуды, лицемеры и эгоисты представлены «борцами за независимую Украину». Но на практике мы видим лишь переходы казаков из одного подданства в другое, и ни один гетман или атаман ни разу не выказал желания создать самостоятельное украинское государство. Более того, даже термина такого они не знали, употребляя название «Малороссия» и называя ее народ – русским народом...

Мазепа

Вот уже немалое время украинские националисты поднимают на щит Ивана Мазепу. На национальной валюте независимой Украины его портрет украшает десятигривневую банкноту. По официальной истории, которую вдалбливают в головы школьников и студентов, приказано считать Мазепу благородным героем, выступившим против угнетения казаков со стороны дикой Москвы. Однако, несмотря на все усилия, отмыть добела гетмана, прославившегося в основном своими изменами, не удастся. Против Петра Великого бунтовали не раз – и стрельцы, и казаки, и раскольники... Почему же именно Мазепа стал таким известным, удостоившись прозвища Иуда и церковной анафемы? Вероятно потому, что Мазепа стал единственным, кто побежал за поддержкой к иноземным захватчикам-шведам. Невозможно представить царевну Софью, просящую помощи у польского короля, или стрельцов, что, восстав против Петра, объединяются с янычарами для похода на Москву.

Создатели мифа об украинском патриоте Мазепе в своих статьях как-то опускают молодость своего героя. А ведь именно в молодые годы формируется характер человека. Мазепа родился в шляхетской семье на Киевщине около 1640 года. Его родным языком был польский. Когда он подрос, отец устроил своего отпрыска «покоевым шляхтичем», то есть пажом, при дворе польского короля. И все время, пока Малороссия истекала кровью, пока казаки и крестьяне боролись против польских угнетателей, Мазепа верно служит полякам. Вероятно, он до конца жизни остался бы слугой короны, но себе на беду он попытался оклеветать перед королем своего сослуживца Яна Пасека. Тому удалось оправдаться, а интригану Мазепе пришлось покинуть милую его сердцу Польшу. Впрочем, он быстро нашел себе нового господина – гетмана Правобережной Малороссии Дорошенко, турецкого вассала и врага Польши. Так Мазепа из польского шляхтича превратился во врага Речи Посполитой. Это была его первая измена.

Видимо, наш герой пришелся по нраву гетману Дорошенко, так как тот назначил его ротмистром надворной хоругви, то есть своей личной гвардии, состоящей из наемников-сердюков. Стоит сказать пару слов о новом патроне Мазепы.

Дорошенко... Пожалуй, более кровавого правителя не было в нашей истории. К власти его привели в 1665 году войска крымского хана, разорившие Поднепровье. С ханом Дорошенко расплатился, признав власть турецкого султана и отдав в рабство десятки тысяч православных крестьян. Чтобы более понятной стала цена турецко-татарской помощи, заметим, что только за 1666 год татары угнали в Крым сорок тысяч человек. Насколько Дорошенко и его хозяев ненавидели, говорит такой факт: когда он с татарской армией и своими наемниками попытался захватить Подолье, против него объединились поляки и местное русское население. Бывшие непримиримые враги вместе дрались против Дорошенко. Власть гетмана на захваченной территории держалась исключительно на татарских саблях, не брезговал он и чеканкой фальшивых монет. В итоге его правления Правобережье практически обезлюдело, а это время вошло в историю под красноречивым именем «руина».

И все это время верный Мазепа помогал Дорошенко превращать некогда цветущий край в пустыню. Неизвестно, участвовал ли он лично в карательных и грабительских походах, но быть в компании Дорошенко и не запачкать рук кровью соотечественников было невозможно. В 1674 году Мазепу отправили послом в Крым. В подарок хану он вез несколько десятков пленных, захваченных на Левобережье, принадлежавшем московскому царю. Но запорожские казаки перехватили посольство, пленных освободили, а самого Мазепу под конвоем отправили к Ивану Самойловичу – гетману левобережной русской части Малороссии. Там Мазепа предал Дорошенко и перешел на службу к его врагу Самойловичу. Что заставило гетмана спасти Мазепу от вполне заслуженной казни и принять его под свое

крыло, мы не знаем. Но для Самойловича это решение стало роковым. Воспользовавшись неудачей похода русских войск (с участием казаков, разумеется) князя Голицына на Крым, Мазепа обвинил своего спасителя в саботаже. В итоге Самойловича отправили в Сибирь, его сына казнили, а Мазепа был предложен казакам в качестве нового гетмана. Поскольку предложение подкреплялось царским авторитетом и царскими же стрельцами, готовыми подавить любое несогласие, Мазепа был избран.

Период мазепинского гетманства заслуживает отдельного разговора. Отметим лишь, что он стал одним из богатейших людей Европы. Не отставали от него и приближенные, грабившие собственный народ, закрепощавшие крестьян и бедных казаков, вводя панщину. Непокорных ждала расправа.

Так как Москва в управление Малороссией не вмешивалась, ограничившись размещением гарнизонов в крупных городах, Мазепа, по сути, был абсолютно полновластным правителем. Об уровне доверия к нему со стороны царя Петра говорит такой факт: все налоги, собираемые в Малороссии, оставались в распоряжении гетмана, а Мазепа стал одним из первых кавалеров ордена Андрея Первозванного. Казалось бы, живи да радуйся, но Иван Мазепа всегда стремился вести двойную игру. Выдавая себя за верного слугу царя, он одновременно начал тайную переписку с воюющим против России королем Швеции Карлом XII.

Разумеется, двигал им голый расчет. Шведская армия со времен Тридцатилетней войны считалась лучшей в Европе. Тем более что Карл XII подтвердил ее репутацию, разгромив в 1700 году русскую армию при Нарве, победив Данию и оккупировав Польшу. За восемь первых лет Северной войны шведы продемонстрировали целый ряд блестящих успехов, и в победу России, оставшейся без союзников, уже мало кто верил. Так что Мазепа активно искал возможность перебежать на сторону победителя. И сам себя перехитрил... Стремясь набить себе цену, он сильно преувеличил свои силы и значимость. Его расчет был прост: Карл, воюя на севере, громит Россию, захватывает Москву, а Мазепа, приняв протекторат Швеции, остается правителем нетронутой войной Малороссии. На беду гетмана-иуды, Карл XII поверил в его байки и направился в поход на Москву через Польшу и Украину, где он рассчитывал найти припасы и пополнить свою армию за счет людей Мазепы. Одновременно и царские войска двинулись навстречу шведам. Причем и Петр Великий, и Карл XII считали Мазепу своим верным подданным. Соответственно оба монарха и приказали гетману явиться на помощь. Мазепа сделал свой выбор и с двумя тысячами казаков-телохранителей прискакал в лагерь короля. Дальнейшее известно всем. Малороссия осталась верной Российской империи, против шведов вспыхнула партизанская война, а Полтаву до подхода армии Петра яростно защищали от шведов местные жители. Те самые украинцы, которые, по мысли нынешних свидомитов, должны были бы радостно открыть ворота «освободителям от москальского ига».

Современные украинские авторы очень не любят вопрос, почему в 1709 году народ не поддержал Мазепу. Современный разоблачитель исторических мифов Олесь Бузина дает такой вариант объяснения:

«Жадный, коварный и эгоистичный гетман до смерти надоел украинцам. Он греб все только себе, ни с кем не делись. Даже к Карлу XII сбежал с бочкой червонцев, похищенных из войсковой казны. Но жадность не принесла счастья Ивану Степановичу. Король попросил эти деньги «в долг». А так как бежать было больше некуда, то старому Мазепе пришлось поделиться сокровищами со шведами. Кстати, «кредит» Мазепы те не вернули до сих пор».

Мы же отметим, что для крестьян Мазепа был кровопийцей и эксплуататором, а вольные казаки, низведенные гетманом до положения крепостных, не могли ему простить ни своих обид, ни крови своих братьев, щедро политой им за годы правления. В общем, он стал врагом всех – и сторонников Петра Великого, и его противников.

А ведь в это же время был человек, которого простой люд считал своим заступником. Как и Мазепа, он с оружием в руках выступил против Московского царя, но не искал помощи у врагов Русского государства. Да и не было у него такой необходимости, ведь под его знамена по зову сердца вставали десятки тысяч человек. Звали его Кондратий Булавин, но сегодня его имя практически забыто. К слову сказать, совершенно незаслуженно. Булавинское восстание в 1707—1709 годах охватило огромную территорию от Днепра до Волги. За оружие взялись более тридцати тысяч человек, в том числе полторы тысячи запорожцев. Даже после гибели Булавина его сподвижники продолжали борьбу.

Мазепа, начавший службу покоевым шляхтичем польского короля, и Булавин, всю жизнь проведенный в войнах, – это два полюса общества. Богатый и изнеженный шляхтич, баловень судьбы – и простой казак, выбившийся в люди лишь благодаря своим собственным усилиям. Один защищал свое богатство и власть, другой восстал за волю и права казачества, ущемляемые государством. Один торговал своими единоверцами, а второй в 1696 г., штурмуя Азов с войсками царя Петра, первым ворвался в турецкую крепость.

Почему же о Кондратии Булавине предпочитают умалчивать историки? В России его затмевают образы Разина и Пугачева, а украинским историкам приказано создавать образ Мазепы-защитника казаков, и конкуренты гетману-иуде не нужны. Но есть и еще одна причина: Булавин был донским казаком, поэтому и восстание, поднятое им, обычно называют Донским и в украинских учебниках истории не освещают. Мол, это история другой страны... Да только Булавин был атаманом соляных варниц Бахмута, современного города Артемовска в Донецкой области. А упоминание о русском Донбассе сейчас особо не приветствуется. Еще бы, ведь Украина, по мнению нацсвидомых, – это унитарное государство украинской нации, а дончане – просто русифицированные украинцы. Если же вспомнить, что Донбасс **никогда** не был украинским, то могут возникнуть неудобные для профессиональных украинцев вопросы...

Миф о «батуринской резне»

С мифом о борце за независимость Мазепе тесно связан еще один миф, усиленно культивируемый сведомыми публицистами. Это миф о так называемой «батуринской резне» 1708 года. В 2004 году кандидат в президенты Украины Виктор Ющенко заявил, что для него «трагедия Батурина созвучна с голодомором 30-х годов», и предложил отмечать память жертв Батурина ежегодно. Тогда же он огласил цифру в 21 тысячу убитых батуриnceв.

Согласно мифу, события развивались следующим образом. Узнав об измене Мазепы, Петр Великий посылает Меншикова для проведения карательной акции. Светлейший князь берет гетманскую столицу штурмом, затем сжигает город и устраивает беспощадную резню мирного населения. Захваченных казаков пытаются до смерти. Трупы казненных распинаются и на плотках спускаются по реке, чтобы запугать население. Устрашить население Малороссии Меншикову удается, и оно, охваченное ужасом, отказывается поддержать своего мятежного гетмана в борьбе за свободу. Причем каждый сведомый автор считает нужным привести какие-нибудь кровавые подробности, доказывающие варварскую жестокость русских солдат. И чем сведомее автор, тем страшнее подробности и большее число жертв.

Например, О. Апанович в книге «Гетьмани України і кошові отамани Запорозької січі» пишет: «Потім почалося знищення жителів Батурина... Військо московське палило й грабувало місто, гвалтувало і вбивало жінок... Меншиков дав наказ не щадити нікого й убивати навіть дітей».

А Владимир Голубоцкий в книге «Запорозьке козацтво» добавляет ужасов: «Все населения Батурина поголовно знищили, навіть жінок і дітей. Козаків, що потрапили у полон живими, по-варварськи замучили...»

Что же было на самом деле?

Итак, осень 1708 года. Шведская армия приближается к пределам Русского государства. До этого Карл несколько лет воевал в Польше, поэтому потомки викингов наступают не с Севера, как можно было бы ожидать, а с Запада. Царь Петр требует от Мазепы выходить на соединение с русским войском, но старый гетман тянет время и придумывает всевозможные отговорки. Однако подозрений это не вызывает, ведь Мазепу уже много раз обвиняли в измене, но он всякий раз успешно оправдывался и Петр его считал даже не слугой, а своим другом.

Князь Меншиков сам отправляется в Батурину к гетману. Но за день до того Мазепа бежал из своей столицы, оставив в Батурине гарнизон из четырех сердюцких полков. Подойдя к городу, Меншиков обнаруживает, что гарнизон его в город пускать не намерен. Только тут он все понимает. Он отправляет гонца к Петру с вестью об измене Мазепы и вступает в переговоры с мятежниками. Мазепинские сердюки (наемники) тянут время, надеясь на скорый подход Карла.

Часто современные историки то ли по незнанию, то ли специально называют защитников Батурина не сердюками, а казаками. Однако такая подмена понятий существенно меняет дело. Сердюки не были казаками – ни запорожскими, ни реестровыми. Они вообще не были жителями Малороссии. Это были наемники: поляки, бессарабы, венгры и так далее. Они исполняли роль телохранителей Мазепы и были преданы (насколько это возможно у наемников) лично ему. Конные сердюки назывались «компанейцами». Местных селян и казаков принимать в сердюцкие полки запрещалось. Почему-то и возглавлял оборону Батурина немец Кенигсек. Сердюкам было абсолютно все равно, кому подчиняется Мазепа: шведскому королю или русскому царю. А вот казаков и крестьян этот вопрос волновал. Поэтому они массово присоединялись к русским войскам или самостоятельно атаковали шведские

отряды. Соответственно и никакой необходимости в репрессиях против местного населения со стороны царских войск не было.

Так что не восставшие казаки оборонялись против русских войск, а иноземные наемники. Согласитесь, это существенный нюанс. Устав уговаривать, Меншиков берет Батурина приступом, после чего спешно отходит, увозя артиллерию и припасы, поскольку шведы где-то на подходе. Так что действия Меншикова не были карательной экспедицией! В Батурине были огромные запасы вооружений, фуража и провианта, которые Мазепа намеревался передать Карлу XII. Кроме того, там имелось семьдесят орудий. Чтобы понять, что означали эти запасы, нужно вспомнить, что в битве под Полтавой у шведов было всего 4 (четыре) орудия. Поэтому захват Батурина и его складов был и для Карла, и для Петра вопросом жизни и смерти.

Теперь рассмотрим вопрос о погибших при штурме. Все серьезные историки прошлого (Костомаров, Субтельный, Тарле и Соловьев) сходятся на цифре в шесть – семь тысяч убитых. Двадцать тысяч – это выдумка уже нашего времени. Вопрос в том, кто эти мертвецы: сердюки или мирные жители. Мы помним, что оборонялись четыре полка: Чечелов, Показилов, Денисов и Максимов. Их точная численность неизвестна, но в сердюцком полку того времени могло быть до двух тысяч человек. Значит, в крепости могло быть до 8000 сердюков, а погибло всего 6000 человек. Соответственно практически все погибшие – это именно воины, и ни о каких расправах над мирным населением говорить нельзя.

А все страшилки про трупы убиенных младенцев под ногами, посадки на кол и плоты с распятыми – это всего лишь свидомитские сказки, не подтверждаемые никакими достоверно известными фактами и опровергаемые множеством достоверных свидетельств.

Орлик и его «конституция»

После разгрома под Полтавой Карл XII с жалкими остатками своей армии бежал в Турцию, надеясь склонить султана к войне с Россией. За своим новым хозяином поспешил и Мазепа с запорожскими казаками. Кстати говоря, о Турции: нужно помнить, что в то время и придунайские земли, и Северное Причерноморье, и Крымское ханство также были территориями Оттоманской империи. Так что местом пребывания беглецов стал молдавский городок Бендеры, где гетман и отдал (хотелось написать Богу, но, учитывая все, что мы знаем о Мазепе, скорее это был совсем не Господь) душу.

Новым гетманом был избран Филипп Орлик – еще один предатель и любимец современных украинских патриотов. Никаких военных успехов за ним не числится, и остался бы он безвестным, если бы не вышел из-под его пера документ, который нынче называют первой украинской конституцией. Разумеется, свидомые при каждой возможности взалхлеб расхваливают ее, а заодно и Орлика. Мол, наша конституция на сотню лет раньше американской принята, она образец для подражания всего мира. «Конституция стала высшим проявлением украинской политической мысли, фактически провозгласив Украину независимой демократической республикой!» – так характеризуют ее свидомитские источники. Только почему-то ни один из восторгающихся не привел текст «конституции». В лучшем случае отрывки. Расчет строится на том, что мало кому захочется искать текст и самостоятельно разбираться в нем. Большинство услышавших о творении Орлика предпочитает верить на слово свидомитам. А я вот не поленился и с официального сайта Верховной рады Украины (<http://gska2.rada.gov.ua:7777/site/const/istoriya/1710.html>) скачал текст этой самой пресловутой конституции. Затем нашел еще один перевод сего документа на сайте образовательно-информационного ресурса «Украинский центр»: (<http://www.ukrcenter.com/Library/read.asp?id=3410>).

Оказалось, что на самом деле «конституция» – очень интересный документ, если, конечно, прочитать его полностью. По крайней мере, все мифы о демократической Украине разрушает основательно. После этого я в качестве эксперимента позвонил руководителю Конгресса украинских националистов в моем городе и задал три вопроса: «Каково полное название конституции? На каком языке она была написана? Как называл свое отечество Орлик?» И ни на один не получил правильного ответа!

Этот документ назывался «Пакты и конституция прав и вольностей Войска Запорожского». «Конституция» буквально пестрит следующими фразами: «у нашій руській Вітчизні», «так і територія нашої Вітчизни, Малої Русі», «удався із Військом Запорозьким і народом руським до Московської імперії за покровительством». По-моему, лучшего доказательства тому, что никакого отдельного украинского народа в то время не существовало, и не сыскать.

Кроме того, ни о какой независимости речь не идет, Орлик даже не мечтает получить больше, чем поляки обещали Хмельницкому по Зборовскому миру. Единственная разница в том, что верховным правителем он признает не польского короля, а шведского. Что и понятно: в Польше на тот момент между собой воюют два претендента на трон, причем один – ставленник Петра Великого, второй – Карла XII. Гетману скандинавский монарх кажется более перспективным патроном, так что покровителем и протектором Войска Запорожского на вечные времена объявляется шведский король.

Теперь пару слов о демократии Орлика. Согласно конституции, гетман должен стоять на страже православия, препятствовать распространению других религий, а если у тех появятся последователи, то таковых искоренять. Кроме того, требовалось не давать разрешение на проживание последователям чуждых вер, а особенно иудаизма.

Ну и напоследок самый интересный пассаж из «конституции». «Ясновельможный гетьман повинен домогатися... відновлення колишніх побратимських стосунків із Кримською державою, оружної підтримки від неї і підтвердження вічної приязні... Він буде зобов'язаний... дбати про те, щоб не було ані найменших порушень тривкого договору з Кримською державою. Щоби побратимські стосунки з нею не зневажалися і не порушувалися самовільно зухвалими порушниками з нашого боку, які, за звичкою розбійного люду, не соромляться ламати і переступати не лише звичаї дружби і сусідства, але й мирні договори».

(«Ясновельможный гетман обязан добиваться... возобновления прежних побратимских связей с Крымской державой, вооруженной поддержки от нее и подтверждения вечной приязни... Он будет обязан... заботиться о том, чтобы не было даже малейших нарушений вечного договора с Крымской державой. Чтобы побратимские взаимоотношения с нею не отягощались и не нарушались самовольно лихими напрушителями с нашей стороны, кои, по обычаям разбойного люда, не стесняются преступать не только обычаи дружбы и добрососедства, но и мирные договоры». И еще, читатель: в малороссийском наречии «и» читается как «ы», а великорусская буква «и» передается знаком «і»...)

Крымских татар, чьи набеги сотни лет были самым страшным кошмаром всех жителей Поднепровья, Орлик называет своими побратимами. Нужно ли комментировать это? А ведь он не ограничился простыми словами. Уже зимой 1711 года люди Орлика вместе с татарами совершили набег на Малороссию, захватив и продав в рабство тысячи крестьян. После чего казаки окончательно признали власть Крымского хана и по его разрешению на татарских землях в районе нынешнего Херсона основали новую Сечь. Правда, хорошо зная повадки своих новых подданных, хан отобрал у казаков пушки и запретил строить вокруг Сечи укрепления. После чего для запорожцев настали тяжелые времена. Татары использовали их исключительно как рабочую силу и пушечное мясо. Не удивительно, что уже в 1716 году казаки стали проситься в подданство к русскому царю. Однако прощать изменников Петр Великий не собирался. Только в 1733 году новая императрица Анна Иоанновна разрешила вернуться потрепанным жизнью казакам в русские владения.

Что же все-таки произошло с Сечью?

Если верить профессиональным украинцам, коих так много расплодилось на нашей земле, то чуть ли не все действия Русского государства были направлены исключительно во вред украинцам. Особенно заходятся «свидомые» ругательствами, когда речь идет об императрице Екатерине Второй. Чем же провинилась перед этими господами великая царица? Может, тем, что присоединила Причерноморье и Крым, прекратив губительные набеги татар на южнорусские города? Или тем, что навсегда вывела Польшу из числа великих европейских держав, вырвав из-под гнета панов православных на Правобережье Днепра и в Белой Руси, а затем и вовсе упразднившая Речь Посполитую? Нет, ненавидят ее за роспуск Запорожской Сечи в 1775 году. Ведь по мнению нацсвидомых, Сечь была чуть ли не главным центром украинства того времени. За это ее и разрушили проклятые москали. Что на это можно ответить?

Во-первых запорожское войско нельзя назвать украинским, так как в основу его формирования был положен принцип космополитизма и казаками были представители практически всех народов Восточной Европы, вплоть до крещеных татар.

Во-вторых, стоит вспомнить отношение казаков к крестьянам, составлявшим подавляющее большинство населения Малороссии. Казаки презирали крестьян и не прочь были пограбить их. Хлеборобы же казаков любили, мягко говоря, не сильно. Может быть, чуточку больше, чем татар, но не намного. Поэтому говорить о том, что Сечь воспринималась крестьянами как нечто абсолютно положительное, нельзя.

Кстати, проливая крокодиловы слезы над руинами Сечи, украинствующие почему-то забывают рассказать о судьбе самих запорожцев, которые и после упразднения Сечи под именем Войска верных казаков продолжали служить русскому престолу, за что им и была пожалована во владение долина реки Кубань. Запорожцы, оставшиеся верными Российской империи, создали нынешнее кубанское казачество! И сейчас потомки якобы уничтоженных запорожцев продолжают на Кубани благополучно здравствовать и от всей души потешаться над ряжеными в псевдоказачьи одежды потомками свинопасов, создающими на нынешней Украине всевозможные казачьи войска и объявляющими друг друга гетманами и казачьими генералами. Ну, вроде пана Ющенко, не к ночи будь помянут, вдруг после Майдана ставшего гетманом.

Чтобы понять, почему была ликвидирована Сечь, нужно вспомнить, что земли Войска Запорожского Низового по сути были границей между славянскими землями и Диким полем. А сама Сечь была пограничным укреплением, которое препятствовало прорыву татарских полчищ на север. Но после заключения Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года с турками надобность в казачьей защите границы от татарских набегов отпадала: ведь крымский хан принял российское подданство. Соответственно исчез и сам смысл существования Запорожского войска. Более того, оно стало просто опасно, так как без угрозы со стороны татар войско быстро морально разлагалось, теряя всякую боевую ценность. Казацкая старшина плела интриги, разворовывала выделяемые правительством деньги, а беднота при любом удобном случае банально грабила окрестности. Да и на самой Сечи было неспокойно. Постоянное разворовывание денег, высылаемых из Петербурга на содержание войска, приводило к восстаниям сечевой бедноты. Дело дошло до того, что кошевой атаман Калнышевский дважды вынужден был бежать из Сечи и подавлять восстания с помощью регулярных русских войск. Так что правительство должно было вскоре принять меры, чтобы либо разоружить казаков и занять продуктивным трудом, либо переселить их на новую границу, где их боевой опыт будет востребован. Тем более что первый тревожный звоночек для власти прозвучал в 1773 году, когда немало запорожцев присоединилось к восстанию Пугачева. Нет никаких сомне-

ний, что если бы Емельян Пугачев, как и планировал, прорвался на Днепр, то к его авантюре примкнули бы многие сечевики, особенно из числа голытьбы.

5 июня 1775 года командующий русскими войсками в Новороссии генерал-поручик Петр Текелли подошел к Сечи, которая располагалась на острове Чертомлык. Внезапное появление регулярных полков буквально ошеломило казаков, и они не оказали никакого сопротивления. Заняв ключевые пункты вокруг Сечи и установив артиллерию, Текелли потребовал к себе казацкую старшину, а когда та явилась, генерал зачитал манифест императрицы об уничтожении Сечи и упразднении запорожского войска. Текелли не стал форсировать события, дав казакам неделю на размышление. О том, как отнеслись сами казаки к такому повороту событий, можно судить по такому факту, что всю отведенную на раздумья неделю казацкая старшина пировала вместе с офицерами Текелли. Разумеется, не все казаки были довольны. Полсотни запорожцев получили разрешение отплыть для лова рыбы на реке Ингул, и, воспользовавшись этим, несогласные во главе с полковым старшиной Ляхом отбыли во владения турецкого султана. Так возникла Задунайская Сечь.

Что же ждало принявших правительственный ультиматум казаков? Не спешите оплакивать их участь, ничего страшного не произошло. Конечно, не обошлось без репрессий, впрочем, предельно мягких – часть старшины, виновной в расхищении казны, была отправлена в ссылку, но зато оставшуюся старшину приравнивали к российскому дворянству и неделили землей. Причем наделы были совсем немаленькие: от полутора тысяч до тринадцати тысяч десятин (десятина примерно равна современному гектару). Простым казакам было предложено вступить в пикенерские и гусарские полки. А уже в 1783 году светлейший князь Потемкин выпустил «прокламацию» следующего содержания: «Объявляю, чрез сие из пребывающих в Азовской губернии, Славянской и Елизаветской провинции жителей, кои в бывшем войске Запорожском служили, что полковому старшине и армии капитану Головатому Антону препоручено от меня приглашать из них охотников к служению в казачьем звании под моим предводительством».

То есть всего через восемь лет после ликвидации Сечи запорожское казачество стараниями русского правительства было возрождено. В 1787 году правительство предоставило запорожцам место в урочище Васильково у Бугского лимана для основания войскового коша. В это время казаки получили название Войска верных казаков (запорожских), а через год Войско было переименовано в «Войско верных черноморских казаков». Активное участие казаков-черноморцев в очередной русско-турецкой войне снова вернуло им благосклонность русского правительства, ведь роль казаков в разгроме османских армий была огромна. Именно казаки ночным штурмом овладели крепостью Хаджибей, на месте которой сейчас стоит Одесса. Они же стремительной атакой захватили остров Березань. Поэтому, когда черноморцы обратились к Екатерине с просьбой предоставить им для поселения обширные и незаселенные берега Кубани, ответ не заставил себя долго ждать. 30 июня 1792 г. Екатерина II подписала указ о переселении казаков на прикубанские земли и жалованную грамоту на вечное владение ими. Всего на Кубань переселилось около 25 тысяч человек, распределенных на 40 куреней, из которых 38 получили старые запорожские названия. А при императоре Николае Первом в 1828 году вернулись на родину и принесли покаяние русскому царю казаки Задунайской Сечи. Эти блудные сыновья отечества также поселились на Кубани.

Черноморское (в 1861 году переименованное в Кубанское) войско верой и правдой служило России, со славой участвуя во всех войнах нашей Родины. В «Истории кавказских войн» генерала Потто (1911 г.) рассказывается о том, какую огромную роль бывшие запорожцы, ставшие кубанцами, сыграли в покорении Кавказа и в войнах с турками. Поселившись на Кубани, казаки быстро переняли у горцев одежду и вооружение. Вспомним, что в 1945 г. кубанцы вошли и в Берлин. А сегодня славные сыны Кубани внесли свой вклад в

войну с чеченским сепаратизмом. Речь кубанцев и до сих пор в основе своей – малороссийская.

На Украине же сложился своеобразный «Запорожский миф», согласно которому в 1775 году «москаля» из-за извечной ненависти к украинцам разрушили последний оплот украинства – Запорожскую Сечь. А о возрождении казачества и его дальнейшей славной истории свидомые помалкивают, ведь это совершенно разрушает миф об уничтожении запорожского войска. И ни в одном современном учебнике истории не найти ни строчки о Первом Запорожском Императрицы Екатерины Великой полке Кубанского казачьего войска, который за доблесть был удостоен практически всех высших отличий империи. Так, за взятие Карса полк награжден серебряными георгиевскими трубами, после войны 1877—1878 гг. получил георгиевский штандарт, а за покорение Западного Кавказа на папах казакам были пожалованы специальные памятные знаки. Императрица Екатерина Великая до самого 1917 года считалась вечным шефом в этом героическом полку.

Вот и верь теперь байкам о взаимной ненависти запорожских казаков и русской царицы.

Рождение украинства

Украина – это что такое?

Как мы уже убедились, факты свидетельствуют о том, что наши предки и под властью поляков, и после воссоединения с Московским царством продолжали считать себя русскими. Откуда же появились украинцы?

Давайте для начала разберемся в происхождении термина Украина. Заодно рассмотрим его отношение к терминам Малая Русь, Малороссия. Как нетрудно понять, словом «украина», («оукраина» в написании того времени) наши предки называли окраинные, пограничные земли. Впервые слово «оукраина» появилось в Ипатьевской летописи под 1187 годом. Причем летописец употребил его не как топоним, а именно в значении пограничье. Если быть более точным, то пограничье Переяславского княжества.

Термины Малая и Великая Русь стали широко использоваться только после монгольского нашествия. Под первым подразумевалась Галицко-Волынская земля, под вторым – Владимиро-Суздальская. Как мы помним, Киевщина (да и вообще Поднепровье) была полностью опустошена кочевниками и лежала пустынной. Некоторые историки считают, что эти названия ввели в оборот греческие церковные иерархи для обозначения тех двух осколков Руси, которые после Батыея продолжали контакты с Константинополем. Причем греки руководствовались пришедшим еще из античности правилом, согласно которому Малой страной называли исконные земли народа, а Великой – земли, колонизированные выходцами из Малой. В дальнейшем названия Великая/Малая Русь употреблялись преимущественно духовными лицами или людьми, получившими образование в церковной среде (а таких было большинство в то время). Особенно часто эти названия стали появляться после Брестской унии 1596 г. в текстах православных публицистов.

Термин «Украина» в это время продолжал использоваться как в Речи Посполитой, так и Московском царстве в значении пограничных земель. Так в XV веке Московскими украинскими городами называли Серпухов, Каширу и Коломну. Украина (с ударением на А) была даже на Кольском полуострове. Южнее Карелии была Каянская Украина. В Псковской летописи в 1481 году упоминается «украина за Окою», а земли окрестности Тулы именуются «Тулская Украина». Подобных примеров можно при желании привести немало, но, думаю, даже этих хватит, чтобы понять, что на Руси «оукраин» было много. Со временем в России из-за изменений в территориальном делении этот термин вышел из употребления, уступив место волостям и губерниям. Но на захваченных поляками землях Руси этот термин остался, правда, оккупационная власть слово «укрАина» исковеркала на свой лад, назвав в своей транскрипции «украИна».

Кстати, думаю, что нелишним будет пояснить, что в Средневековье Русь делили на Белую, Черную, Червонную и Малую. Тут нужно вспомнить происхождение названия «Черная Русь». В XIV—XVI вв. «Черной Русью» называли земли, платившие Золотой Орде поголовную дань – «черный бор». В основном это были северо-восточные княжества. Чтобы понять, почему Русь «почернела» вспомним, что «черными» в Древней Руси называли людей, облагаемых различными повинностями или налогами. Например, податное сословие называлось «черные люди», отсюда и произошло название «Черная сотня».

Однако в пятнадцатом веке Москва сбросила ордынское иго, и вместе с ним в лету кануло и название «Черная» Русь. Отныне на картах появляется Великая Русь, чьи самодержцы, получившие неформальный титул белого царя, начали собирать вокруг себя земли всей Руси. По состоянию на первую половину XVI века в Московском государстве находи-

лись Черная Русь и часть Белой, т. е. Смоленск и Псков; в Польше – Червонная Русь, т. е. Галиция; в Литве – Белая и Малая Русь.

Поэтому полякам потребовалось противопоставить принадлежащие им русские земли русским землям Московского государства. Тогда и пригодился термин Украина, в который вложили новый смысл. Впрочем, сначала памфлетисты Речи Посполитой пытались объявить подданных московского царя вообще не русским народом. Русью поляки объявляли только Малую и Червонную (красную) Русь, а столицей Руси называли город Львов. Однако абсурдность такого заявления была очевидна, ведь каждый понимал, что и москвиты, и православные Речи Посполитой – это единый народ, разделенный между двумя империями. Даже польский географ начала XVII в. Симон Старовольский писал в своем труде «Полония» о «Руссии» следующее: «Разделяется на Руссию Белую, которая входит в состав Великого Княжества Литовского, и на Руссию Красную, ближайшим образом называемую Роксоланией и принадлежащую Польше. Третья же часть ее, лежащая за Доном и истоками Днепра, называется древними Руссией Черной, в новейшее же время она стала называться повсюду Московией, потому что все это государство, как оно ни пространно, от города и реки Москвы именуется Московией».

Однако такое положение дел угрожало польской власти на русских землях. Тем более что с усилением давления королевской администрации и католиков на Православную церковь русский народ все чаще обращал взоры на восток, к единокровным и единоверным московским царям.

В этих условиях в польской письменной традиции все чаще начинает использоваться понятие «Украина» вместо «Русь». Как мы уже упоминали, первоначально это название в Польше применялось к пограничному Русскому Воеводству, состоящему из земель Червонной Руси (Галиции). После Люблинской унии в состав коронных (т. е. польских) земель вошли воеводства Киевское и Брацлавское, которые отныне стали новым польским пограничьем. Слияние старой и новой украин польского государства породило обобщенное название всех этих воеводств как «Украины». Это название не сразу стало официальным, но, укрепившись в бытовом употреблении польской шляхты, стало постепенно проникать и в делопроизводство.

В своем развитии эта польская концепция замены Руси на «Украину» доходит в XIX в. до логического конца – т. е. теорий графа Тадеуша Чацкого (1822 г.) и католического священника Ф. Духинского (середина XIX в.). У первого Украина – это название, происходящее от никогда в реальной истории не существовавшего древнего племени «укров», а у второго полностью отрицается славянское происхождение великороссов и утверждается их «финно-монгольское» происхождение. Сегодня эти польские бредни (мол, в РФ живут не славяне, а монгольско-угорские «гибриды») самозабвенно повторяют укронационалисты, с пеной у рта отстаивающие «проект Украина».

А почему же это польское название прижилось и на наших землях?

Во-первых, оно было хорошо знакомо всем русским людям и не вызывало отторжения. Во-вторых, вместе с внедрением у поляков названия «Украина» вместо «Русь» данное понятие принимается и старшиной казачества, получившей польское образование. (Ведь, как мы знаем, казацкая верхушка преклонялась перед всем шляхетским!) При этом первоначально казаки используют термин «Украина» при общении с поляками, а вот в общении с православными людьми, духовенством и государственными институтами Российского государства по-прежнему употреблялись слова «Русь» и «Малая Русь». Но со временем казачья старшина, во многом равнявшаяся на обычаи и образование польской шляхты, начинает использовать название «Украина» наравне с «Русью» и «Малой Русью». После окончательного вхождения Малороссии в состав Российской империи появления слова «Украина» в документации и

литературных произведениях спорадичны, а в восемнадцатом веке этот термин практически полностью выходит из употребления.

Однако остался заповедник, где антирусские идеи свободно развивались. Как мы помним, после Переяславской Рады не все древние русские земли в это время удалось освободить от чужеземного владычества. Именно на этих землях идея существования отдельного нерусского народа украинцев получила государственную поддержку и со временем овладела умами. Правобережье осталось под властью Польши до конца восемнадцатого века и было воссоединено с Россией по второму (1793 г.) и третьему (1795 г.) разделам Польши. Подчеркнем, что хотя и в нашей истории эти события именуется «разделами Польши», империя здесь не посягала на исконные польские территории, а лишь возвратила захваченные ранее Польшей древние земли Руси. Однако Червонная Русь (Галиция) тогда возвращена не была – она к тому времени уже не принадлежала польской короне, так как еще по первому разделу Польши (1772 г.) перешла во владение Австрии.

Как видим из вышеизложенного, с XIV в. основным наименованием народа и страны на территории современной Украины была Русь (Черная, Червонная или Малая), причем данное название использовалось до середины XVII в. всеми этническими, сословно-профессиональными и конфессиональными группами, жившими в Малороссии. И только с процессом проникновения в высшие слои русского населения польской культуры начало распространяться новомодное польское название «Украина». Вхождение Гетманщины в состав Российского государства остановило этот процесс, который возродился только в начале XIX в., когда в Российскую империю вошло Правобережье, потерявшее за 100 с лишним лет всю свою национальную русскую элиту, место которой заняла польская шляхта. Все это указывает на внешнее и искусственное введение названия «Украина» вместо естественных и исторических понятий: Русь и Малая Русь.

Рождение зверя

Чтобы выяснить, как возникло это проникнутое лютой ненавистью к России политическое движение, приведшее к современной ситуации, чтобы отыскать его корни, необходимо опять вернуться к польскому вопросу.

Сильно полонизированные земли Правобережья вошли в состав империи в конце восемнадцатого века, а два десятилетия спустя на Венском конгрессе 1815 года российский император Александр I согласился на создание под эгидой России Царства Польского на месте образованного Наполеоном в 1807—1809 гг. Великого герцогства Варшавского. Государь полагал, что этим облагодетельствует поляков, предоставляя им хоть и ограниченную, но государственность – ведь в противном случае территория бывшего Великого герцогства была бы поделена между Пруссией и Австрией. Таким образом, в результате разделов Польши и наполеоновских войн сложилась ситуация, при которой часть древних русских земель (Галицкая Русь) осталась за пределами России, а в то же время в состав Российской империи вошли коренные польские земли, что и создало предпосылки для последовавших затем серьезных политических осложнений. Хотя полякам была предоставлена самая широкая автономия, вплоть до собственной денежной системы, польская шляхта не была удовлетворена. В частности, она потребовала присоединения к своему царству земель, входивших в состав Речи Посполитой до разделов XVIII века, на что правительство России ответило отказом. Тем не менее, на Волыни, Подолии и Правобережной Украине после 1815 г. польское влияние было восстановлено практически во всей его прежней полноте. Все важнейшие отрасли управления были сосредоточены в руках поляков, администрация и школы были польскими, в Кременце действовал польский лицей. Помещиками были исключительно поляки, а крепостными – русские.

Будучи увлеченным «передовыми идеями», в угоду своему близкому другу-поляку Адаму Чарторыйскому (кстати, министру иностранных дел России), император Александр Первый проводил полонофильскую политику в Юго-Западном крае. Он не только оставил помещикам-поляками все владения вместе с крепостными, но и все народное просвещение и образование было отдано на откуп людям, мягко говоря, нелюбящим Россию. В результате такой неразумной политики Россия получила два вооруженных польских восстания и непрерывную, как сказали бы сейчас, информационную войну, итогом которой стало превращение части малороссов в украинцев – сознательных носителей антирусской идеологии. В отличие от романтического или этнографического украинофильства, возникшего в девятнадцатом веке на Левобережной Украине, представителями которого были Котляревский, Квитка-Основьяненко, Гулак-Артемовский, украинофильство политическое зародилось на Правобережье в польских кругах, и с самого начала ставило своей целью вызвать у малороссов стремление отделиться от России.

Новый этап борьбы с Россией начался в 1824 году, когда в Житомире состоялся съезд польских заговорщиков, на котором было решено развернуть пропаганду среди православных крестьян на Правобережье, чтобы привлечь их на сторону поляков. В этом направлении работали Вацлав Ржевуский и Томаш Падурра. Они старались «разбудить в народе Малорусском веру в его будущее под крылом Орла белого», то есть под властью Польши.

Первоначально поляки пытались действовать через масонские ложи Украины, которые в начале XIX века входили в систему лож Великого востока Польши и полностью контролировались поляками. В 1821 г. глава полтавской ложи «Любовь к истине» и бывший член декабристского Союза благоденствия Василий Лукашевич создает «Малороссийское тайное общество», которое по материалам следствия по делу декабристов «помышляло о независимости Малороссии и готово отдаться под покровительство Польши, когда она достигнет независимости».

В 1820-е годы организовать антирусскую пропаганду среди украинского народа пытался польский помещик Вацлав Ржевуский (атаман Ревуха) и польский же поэт Тимко Падурра. Акция эта закончилась крахом. Ржевуский погиб во время польского восстания 1831 г., а Падурра бежал на Запад. В польской эмиграции после этого восстания получает распространение теория польского «панславизма» и «мессионизма», сформулированная поэтом Адамом Мицкевичем и генералом Людвигом Мерославским.

Русский славист XIX века А. Гильфендинг дал следующую характеристику особенностей «польского панславизма»: «Во-первых, русских (великороссов) пришлось исключить из славянского братства: москали были признаны финнами, татарами, монголами, смесью каких угодно племен, но только не славянами. Однако эти москали заняли в славянском мире весьма заметное место, которого отрицать невозможно. Вследствие того в польской эмиграции создавалась особая историко-мистическая теория; славянский мир был разделен на две враждующие противоположности, на мир добра и свободы, представительницей которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России. Стоило ступить шаг далее, и эта теория прямо переходила в новую религию... Сущность этой религии состояла в том, что польский народ есть новый мессия, посланный для искупления всего рода человеческого, что он, как мессия, страдал, был распят и погребен, воскреснет и одолеет дух мрака, воплощенный преимущественно в России, и принесет с собой всему человечеству царство свободы и блаженства».

Польское восстание 1830—1831 годов, благополучно и быстро подавленное русской армией, заставило Петербург обратить внимание на свою юго-западную окраину.

Автономия Царства Польского, хотя его управление и сохранило свой польский характер, была ограничена, в делопроизводстве на Малороссии польский язык был заменен русским, вместо польских школ введены русские, польский лицей в Кременце был закрыт, а

в Киеве открыли русский университет Святого Владимира. Однако этим польское господство на Правобережье не было поколеблено. Конечно, поляков было гораздо меньше, чем малороссов, однако это было дворянство, державшее в своих руках власть над огромной массой малороссов-крепостных. Соответственно и культурные, и политические, и прочие настроения формировались исключительно поляками. Точно так же в университете Святого Владимира основная масса студентов была детьми польских помещиков с Правобережья, т. е. шляхтичами, а как мы помним, у шляхты были своеобразные манеры поведения. И хотя экономическое могущество этого социального слоя было основательно подорвано еще в XVII веке Хмельнитчиной и последующими казацко-крестьянскими восстаниями, несмотря ни на что, шляхетский слой пользовался в Речи Посполитой максимальными «привилегиями» и «вольностями». Шляхта сохраняла монополию на политическую жизнь в масштабах государства, избирала и свергала королей по своему усмотрению, свободно меняла место жительства, имела свои суды, шляхтичи не подлежали телесным наказаниям. А наиболее удивительными из всех вольностей для нас, жителей XXI века, является свобода не платить налоги и право на вооруженный мятеж (рокош). Неудивительно, что люди, привыкшие к такой вольнице, даже после падения своего государства стремились и дальше сохранить старые привилегии. И довольно долго это им удавалось, по крайней мере, в России и Австрии. Однако даже в ультралиберальной Российской империи начали понимать, что, во избежание восстаний и кровопролития, шляхетскую проблему нужно решать. Поэтому имперское правительство для ликвидации шляхты как класса стало проводить так называемые «верификации», или проверки шляхетства. Тех, кто не мог предъявить никаких письменных документов, подтверждающих шляхетство, власти принудительно записывали в другие слои общества, например в мещан, заставляли работать и платить налоги. В конце 1833 г. органы шляхетского самоуправления (т. н. *zgrupowania szlacheckie* – на русский можно перевести как «шляхетские собрания», «шляхетские сборы») под давлением правительства вынуждены были согласиться с лишением шляхетских прав более 72 тысяч лиц. Позднее, в 1834—1839 гг., количество принудительно «деклассированных» в трех губерниях (Волынская, Киевская, Подольская) составило 93 139 человек.

Еще одним инструментом ликвидации шляхты стало закрытие части польских школ и газет в Малороссии. Это привело шляхту к смерти общественно-культурной. Разумеется, лишаемые права на безнаказанность и своеволие шляхтичи пытались сопротивляться, и тогда особо беспокойных экс-шляхтичей высылали в села и расселяли среди крестьянства. Подобные переселения непокорных использовались российской властью довольно часто и за десятилетия привели к расселению десятков, если не сотен, тысяч шляхтичей по всей Украине, порой довольно далеко от мест их первоначального компактного проживания. В итоге польская шляхта как социальная общность и политическая элита общества на Правобережье перестала существовать.

Но исчезла ли бесследно польская шляхта на Украине? Как известно, в природе ничто не исчезает бесследно. Так произошло и со шляхтой: принудительно лишённая титулов, записанная в податные сословия, растворенная среди крестьян, она все же сохранилась как совокупность физически существующих личностей, передавших своим потомкам тот ген обиды и озлобления, что укоренился в их коллективной памяти. Коллективное сознание сотен тысяч деклассированных шляхтичей и их потомков проявлялось в виде многочисленных артефактов культурной и литературной жизни, характеризовалось устойчивостью и определенной системностью взглядов и действий, а лучше сказать, чувств их носителей. Одним из этих смутных и почти иррациональных чувств была и устойчивая ненависть к Москве и к «москалю», ко всему русскому, ко всему, находящемуся за пределами своего хутора. Борьба за украинскую независимость стала для этих людей как бы психологической компенсацией и, если угодно, реваншем за унижения прошлого, своего рода мстью России.

Еще одними создателями украинства, наряду с поляками, являлись российские революционеры, начиная с декабристов, стремящиеся в борьбе с царизмом использовать любые инструменты, в том числе и сепаратизм. Кстати, между русскими и польскими организациями заговорщиков была договоренность о поддержке, раскрытая уже после выступления декабристов. Что в принципе не удивительно, если учесть, что польские аристократы и русские дворяне-заговорщики были членами одних и тех же масонских лож.

После разгрома декабристов (и роспуска большинства масонских лож) к раздуванию пожара «украинства» подключились и низшие по отношению к дворянству сословия (пресловутые разночинцы). Наиболее известным обществом подобного толка было Кирилло-Мефодиевское братство – тайная политическая организация, созданная в 1845 году. Состояло оно преимущественно из молодых интеллигентов, а ведущими идеологами этой организации являлись П.А. Кулиш и Н.И. Костомаров. Самым известным братчиком был Тарас Шевченко. Весной 1847 года братство было раскрыто, а большинство его членов заключено в тюрьму или сослано.

Кстати, Костомаров, будучи великороссом по происхождению и культуре, увлекся «украинством» уже после окончания университета. «Мною овладела какая-то страсть ко всему малороссийскому, – писал Костомаров. – Я вздумал писать по-малорусски, но как писать? Нужно учиться у народа, сблизиться с ним. И вот я стал заговаривать с хохлами, ходил на вечерницы и стал собирать песни», – вспоминал он.

Впоследствии Костомаров и Кулиш, подробнее изучив историю казачества, сменили былые восторги на более трезвую оценку. Кулиш даже ответил стихами на шевченковские гимны казачеству:

Не герої правди й волі
В комиші ховались
Та з татарином дружили,
З турчином єднались.
.....
Павлюківці й Хмельничане,
Хижаки – п, яниці,
Дерли шкуру з України
Як жиди з телиці,
А зідравши шкуру, мясом
З турчином ділились,
Поки всі поля кістками
Білімі покрились.

Но это было потом. А до своего закрытия братство сделало немало для пропаганды «отдельной нации» и, конечно же, создания «отдельного языка». Как известно, язык любого многочисленного и занимающего немалое жизненное пространство народа состоит из большого количества различных местных диалектов, которые иногда довольно сильно отличаются друг от друга. Общепринятый стандарт литературного языка, в числе прочих функций, связывает эти диалекты в единое целое, обогащая их и обогащаясь от них сам. Нередко лингвисты пытаются формализовать местный диалект (наречие), создав для него набор правил грамматики. Этим, например, занимался Лев Толстой, пытаясь писать на наречии крестьян Тульской губернии. Слава Богу, у него ничего не вышло, а то имели бы сегодня еще сознательных представителей древнего тульского народа. А вот украинствующие сумели в конце концов создать новый искусственный язык на основе нескольких малорусских диалектов.

В середине XIX столетия малочисленные поклонники нового языка стремятся придать ему официальный статус – вплоть до издания на нем государственных документов и преподавания его в школах. Печатные издания на «мове» выходили и раньше: «Украинский журнал», «Украинский альманах», «Сноп» и другие. Не менее половины всех изданий печаталась в Петербурге – центре российской либеральной мысли, куда перебралась изрядная часть украинофилов. Напомню, это происходило в николаевской России, где вся легальная печатная продукция подвергалась цензуре, а нелегальная преследовалась. То есть запретов украинского языка как такового не было.

В 1850-х годах среди студенческой молодежи Киевского университета образовалась группа так называемых «хлопоманов». Они старались приобрести доверие и сочувствие к польскому делу среди крестьянской массы на Украине, обещая ей в своих брошюрах и прокламациях свободу в будущей возрожденной Польше. В эту группу в начале 60-х годов входили Владимир Антонович, Борис Познанский, Тадеуш Рыльский и прочие идейные враги Русского государства. Но в своих надеждах привлечь на польскую сторону крестьян Правобережья «хлопоманы» жестоко просчитались. Малороссы еще слишком хорошо помнили запредельную жестокость поляков, чтобы сочувствовать идее возрождения Речи Посполитой, однако яд польской агитации медленно начал разъедать души. В конце 50-х годов XIX в. польские деятели в эмиграции приступили к подготовке нового восстания против России. При этом они непременно должны были обратить внимание на украинофильство. Подрыв единства России собственными силами поляков был делом крайне трудным, но если пробудить и укрепить у малороссов сознание их полной национальной отдельности от великороссов, внушить враждебность к великороссам, то такая внутренняя вражда привела бы к ослаблению России и облегчила полякам достижение поставленной цели. Предельно откровенно высказал эту мысль польский генерал Мерославский, призывавший: «Бросим пожар и бомбы за Днепр и Дон, в сердце России. Пускай уничтожат ее. Раздуем ненависть в русском народе, русские будут рвать себя собственными когтями, а мы будем расти и крепнуть».

В этот период за границей появляются публикации на исторические и языковые темы, посвященные данному вопросу. Особый вклад в это дело внес Франтишек (Франциск-Генрих) Духинский, который выдал целую «теорию» о неславянском происхождении «москалей».

Польский папа свидомитов

Имя популярного в определенных кругах в XIX веке польского политика и публициста Франциска-Генриха Духинского мало известно современному читателю, хотя именно его идеи стали основой нынешнего украинского национализма. Родившийся в Российской империи, он рано перебрался во Францию, где развернул бурную деятельность. В Париже Духинский стал постоянным автором главного органа польской эмиграции газеты «Trzeci Maj». Главный смысл его статей сводится к двум незамысловатым пунктам: призыву к европейским народам объединиться для совместной борьбы против опаснейшего врага Европы – Москвы и пропаганде того, что только независимость Малороссии обеспечит счастье Польше и Европе.

Во время Крымской войны Духинский работал на гражданских должностях в составе британских войск в Турции и в Крыму. После окончания войны он возвращается в Париж. Его русофобские взгляды соответствовали антирусской и полонофильской политике Наполеона III. Вторая половина 50-х и 60-е годы XIX века были звездным часом Духинского. Его совершенно антинаучные пропагандистские труды приобретают популярность. Его много печатают, и он обзаводится покровителями в академической и политической среде. Духин-

ский преподает в польских учебных заведениях Парижа, читает лекции... На рубеже 60–70-х он начинает печататься и в австрийской прессе.

Однако после падения Второй империи во Франции конъюнктура изменилась: потерпевшая поражение во франко-прусской войне Франция была настроена на сближение с Россией, и Духинский становится не востребовавшимся. Желчному поляку пришлось перебраться в Швейцарию, где в окрестностях Цюриха, в местечке Рапперсвилль, он возглавил польский национальный музей. Популярность его начала падать даже в польской среде. В 1893 г. Франциск-Генрих Духинский скончался, о чем не многие сожалели.

Взгляды Духинского в первую очередь базировались на расовой философии. Все человечество, по его теории, делится на две группы: арийцы (индоевропейцы) и туранцы, к коим относятся все остальные. Арийцам присущи все положительные качества, они – земледельцы и индивидуалисты, туранцы же – кочевники и коммунисты, и им присущи все негативные качества человечества. Согласно Духинскому, конфликт Речи Посполитой и России носит расовый характер. Польша, естественно, олицетворяет арийский мир, а Москва – туранский. Между арийцами и туранцами идет непрекращающаяся борьба, и весь арийский цивилизованный мир, передовым отрядом коего является Польша, должен объединиться в борьбе с Россией – оплотом туранства. Как видите, Гитлер был совсем не оригинален.

Любопытно отношение Духинского к украинскому казачеству. По меткому замечанию диаспорного историка Ивана Лысак-Рудницкого, «для Духинского казаки были лихими «туранцами», когда воевали против Польши, но добрыми арийцами, когда поднимались против Московии».

А вот созданные Духинским тезисы, которые особо близки современным свидомитам и активно звучат в речах современных «патриотов Украины»:

– «Москва присвоила имя «Россия» незаконно. Настоящая Русь – это не Москва, а Украина. Русь (то есть Украина) – это сильнейшая и доблестная Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнется на Руси».

– «Москалы не являются ни славянами, ни христианами в духе настоящих славян и других индоевропейских христиан. Они остаются кочевниками до сих пор и останутся ими навсегда».

– «Москалы ближе к китайцам, чем к украинцам».

– «Естественной границей туранцев являются Днепр, Двина и реки Финляндии».

Из-за убогости аргументации и абсолютного невежества автора к началу XX века никто всерьез опусы Духинского не воспринимал, а термин «духинщина» приобрел ироническое значение даже среди поляков. Издатель посмертного собрания сочинений Франциска-Генриха Стефан Грабский вынужден был признать, что труды Духинского «не являются историческими в точном значении этого слова... и нельзя их назвать методологическими... сам Духинский не владел научным методом научных исследований». Выдающийся польский лингвист Бодуэн де Куртенэ замечал, что «научность трудов Духинского очень подозрительна». Абсурдность его теории критиковали и такие видные украинофилы, как П. Кулиш, Н. Костомаров, М. Дрогоманов.

Только одна категория людей радостно ухватилась за книжки Духинского – украинские националисты. Объяснение этому феномену дал историк Лысак-Рудницкий, сказав: «Сепаратистское направление среди украинцев встречало большие интеллектуальные трудности: оно шло против установившейся точки зрения о близкой родственности русских и украинцев, укорененной в общем наследии Древней Руси и поддерживаемой общей православной верой. Теория Духинского предлагала способы преодоления этих интеллектуальных трудностей. Это объясняет ее привлекательность для тех украинцев, которые искали аргументы для обоснования своей отдельной национальной идентичности».

Как утопающий хватается за соломинку, так и свидомиты, не имея никаких реальных аргументов, вынуждены были взять на вооружение эти бредовые теории для обоснования своих позиций. Обидно только, что в двадцать первом веке на Украине этот бред получил развитие и активно вдалбливается в пустые головы представителей поколения пепси.

Российская империя. Как это было

На Украине культивируется представление о том, что Малороссия в составе Российской империи была притесняемой колонией. О том, что до восемнадцатого века из Малороссии ни одной копейки не поступало в царскую казну, мы уже упоминали. Не служили малороссы и в армии. Можно еще долго перечислять льготы, которыми пользовалась Малая Русь, однако достаточно просто посмотреть на судьбы выходцев из нашего края, чтобы понять лживость утверждения о притеснении со стороны Москвы.

Первыми малороссами, сделавшими головокружительную карьеру в Московском государстве, стали князья Глинские, владельцы современной Полтавской области. Братья Михаил и Василий занимали немалые должности при дворе, княжна Елена стала законной супругой великого князя Московского Василия Третьего, а ее сын вошел в мировую историю под именем Ивана Грозного.

После воссоединения с Россией в 1654 году, а особенно после вступления на престол Петра Великого, перед малороссами открылся путь к высшим постам империи. Первыми дорогу в Москву, на высокие должности, освоило киевское духовенство. Образованные, начитанные и поднаторевшие в дискуссиях с католиками и униатами, священники и монахи высоко ценились и священноночалием, и светской властью. На личности одного из них остановимся поподробнее.

Идеолог великодержавности

Мальчик Елизар родился 7 июня 1677 года в семье киевского купца Церейского, рано осиротел и был взят на воспитание к своему дяде по матери, чью фамилию и взял – Прокопович. После учебы в Киево-Могилянской академии он много путешествовал по Европе, затем в 1702 году Прокопович возвращается в Киев, где принимает монашеский постриг под именем Феофана. Полученные в Европе опыт и богословская эрудиция легко открыли монаху Феофану двери Киево-Могилянской академии, где он становится преподавателем. Спустя семь лет Прокопович обратил на себя внимание императора Петра, после чего император уже никогда не забывал киевского монаха. С подачи царя Прокопович стал ректором Киево-Могилянской академии, а затем Псковским епископом. Однако в Псков он так и не доехал, предпочтя остаться в Петербурге в качестве ближайшего сподвижника Петра I в его государственных и церковных преобразованиях. Феофан Прокопович инициировал новый церковный устав – Духовный регламент. Это был последний, формальный шаг к упразднению в России патриархии и окончательному подчинению церкви монаршей власти. Этому воспротивился еще один выходец из Малороссии – местоблюститель патриаршего престола митрополит Стефан Яворский. Так что судьба Русской православной церкви в начале восемнадцатого века была в руках двух малороссов. После смерти Яворского оппонентом Прокоповича стал опять же малоросс архиепископ Великоновгородский и Великолукский Феофан Яновский. Уже после смерти Петра Великого Прокопович стал главой Святейшего Синода, а следовательно, и наивысшим авторитетом в российской церковной иерархии. После смерти он был погребен в одном из старейших соборов Руси – Софии Новгородской.

Феофан Прокопович был одним из идеологов построения империи и величия царской власти. Он сыграл важную роль в теоретическом обосновании и практическом осуществлении церковной реформы, в упразднении патриаршества и учреждении подконтрольного государю Синода. Именно он разработал Духовный регламент – своего рода объяснение и оправдание политики государства в отношении церкви. В «Регламенте» и в трактате «Правда воли монаршей» наш земляк обосновал священный, абсолютный характер царской власти.

Из грязи в князи

Дочь Петра Елизавета, как сказали бы сегодня, была меломанкой, поэтому лучшие певцы империи находили ее покровительство. В 1734 году полковник Вишневецкий, отбравший исполнителей для создания придворного хора, в каком-то Богом забытом селе на Киевщине встретил паренька с чудным голосом – Лешку Разумовского. Начав свою карьеру в Петербурге с должности придворного запевалы, Алексей к концу жизни был, по сути, некоронованным царем. Он приглянулся будущей императрице, затем помог Елизавете Петровне взять власть, а в конце концов стал мужем царицы, хоть и не был коронован. Разумовский стал графом, генерал-поручиком и обер-егермейстером, получил огромные земельные владения. Под влиянием своего фаворита Елизавета восстановила Киевскую митрополию, а затем в 1747 году она распорядилась восстановить в Малороссии гетманство. Новым гетманом стал родной брат Алексея – Кирилл, впоследствии ставший еще и президентом Императорской академии наук.

Любопытно, что центром Гетманщины вновь стал Батурин, по утверждению свидомитов, «до кирпичика уничтоженный Петром». Город стал богемным центром со всей соответствующей атрибутикой – роскошными дворцами, балами, театрами. В дворянских домах появились европейские гувернеры, было введено обязательное обучение детей знатных казаков, в специально открытом для них французском пансионе. Расширилась и автономия Малороссии – она была выведена из ведомства Сената и передана Коллегии иностранных дел, гетман стал руководить и Сечью. Кроме этого, гетман провел эффективную судебную реформу, закрепившую выборность судей.

При матушке царице

Переход престола к Екатерине Великой поставил точку на любых «автономиях» в создаваемой ею централизованной империи. Но ликвидация Гетманщины, как и Запорожской Сечи мало сказались на ситуации в Малороссии. Вместо ликвидированного гетманского управления, выгодного лишь части казацкой верхушки, была введена Малороссийская Коллегия во главе с генерал-губернатором Петром Румянцевым. Половина членов Коллегии была малороссами. При Румянцеве в Малороссии впервые появилась почта. Кстати, и в это время из Малороссии в центральную казну не поступало ни копейки, более того, из Петербурга ежегодно выделялись дотации на развитие края. Так кто кого кормил в империи?

И хотя Малороссия действительно потеряла самоуправление, позиции малороссов при дворе были по-прежнему сильны. Примером этому может быть судьба выходца из старшинского рода переяславского полка Александра Безбородько. Александр Андреевич начал свою службу в канцелярии генерал-губернатора Румянцева. Обладающий неординарными дипломатическими способностями Безбородько принимал непосредственное участие в заключении Кучук-Кайнарджийского договора с Турцией. С 1775 года он уже личный секретарь Екатерины II. С 1780 года член Коллегии иностранных дел, через четыре года возглавивший ее. Именно ему принадлежат знаменитые слова имперского политика: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выстрелить не смела!»

Даже после смерти императрицы он имел огромное влияние на Павла I, добился восстановления Генерального войскового суда и некоторых элементов гетманского управления. Организаторские способности делали его незаменимым при дворе. По словам Гумилева, Безбородько сформулировал свое политическое кредо в следующих словах: «Як матушка-императрица захоче, так хай воно и буде». Ни акцент, ни происхождение не помешали ему быть первым чиновником государства...

Соткавший славу из побед

Сегодня только любители истории на Украине слышали имя Ивана Федоровича Паскевича. В отличие от Мазепы или Бандеры, этому уроженцу Полтавы в независимой не ставят памятников и не присваивают звания Героя Украины. А зря! Фельдмаршал Паскевич, которого император Николай Первый считал своим учителем, за свою жизнь выиграл четыре военные кампании (персидскую, турецкую, польскую и венгерскую), не проиграв при этом ни одного сражения, был удостоен высших наград империи. Кстати, за всю историю Российской империи только четыре человека стали полными кавалерами Ордена Святого великомученика и победоносца Георгия: М.И. Кутузов-Смоленский, М.Б. Барклай-де-Толли, И.И. Дибич-Забалканский и наш герой. За военные успехи Паскевич удостоился титулов граф Эриванский и князь Варшавский.

Иван Федорович Паскевич родился в 1782 году в богатой семье помещика-крепостника. В 1800 году закончил Пажеский корпус. Свой первый боевой опыт он получил в ходе Русско-турецкой войны 1806—1812 годов на болгарской земле. На пятый год войны 28-летний Паскевич был назначен командиром Витебского мушкетерского полка. Подлинная воинская слава пришла к полковнику Паскевичу под стенами крепости Варна, где его полк смелой атакой сначала захватил вражеские артиллерийские батареи, а затем удерживал их, отбивая одну за одной атаки османской армии.

Свою генеральскую славу Иван Федорович Паскевич снискал во время Отечественной войны 1812 года, командуя 26-й пехотной дивизией. Генерал Паскевич участвовал во всех сражениях с Наполеоном. Новый карьерный рост генерала начался с коронации императора Николая I. Он становится не просто его приближенным, но одним из самых доверенных и преданных государю людей. Паскевич, будучи уже командиром армейского корпуса, являлся членом Верховного суда по делу декабристов, в котором подавал свой голос только за самые строгие наказания мятежникам. В 1826 году он назначается командующим русскими войсками в Закавказье. А с марта следующего года становится царским наместником на Кавказе, наделенным огромными полномочиями. На Кавказе Паскевич возглавил действующую армию в ходе второй Русско-персидской войны 1826—1828 годов. Под командой Ивана Федоровича русская армия несколько раз громила превосходящие силы персов и брала штурмом считавшиеся неприступными крепости. За победу в Русско-персидской войне генерал-адъютант Паскевич был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени. Одновременно он получил титул графа Эриванского. Едва закончилась война с Персией, как началась Русско-турецкая война 1828—1829 годов. Паскевич во главе Отдельного Кавказского корпуса двинулся в пределы Османской Порты, штурмом взял доселе неприступную крепость Карс, гарнизон которой по численности превосходил штурмующих. Здесь трофеями русских стали полторы сотни орудий и 33 знамени султанской армии. Затем Паскевич направился к Ахалцыхской крепости. Под ее стенами сошлись 30 тысяч турецких и 17 тысяч русских воинов. И здесь главнокомандующий граф Паскевич-Эриванский вновь одержал полную победу. После трехнедельной осады Ахалцыхская крепость с огромным гарнизоном пала.

Далее последовала еще одна, более весомая победа. В полевом сражении русские наголову разбили султанское войско под командованием Гакки-паши. Итогом этих двухдневных боев у деревни Каинлы стала гибель всей азиатской армии Турции. После этой блистательной победы русская армия устремилась в глубь Анатолии – к крепости Эрзерум, на чей сильный гарнизон так надеялся воинственный султан Махмуд II. Крепость являлась сердцем азиатских провинций империи османов, так как там сходились несколько важных дорог. В Стамбуле даже и не помышляли о том, что противник может с боями по горным дорогам

зайти так далеко. Но именно так и случилось – 27 июня 1829 года русские вступили в Эрзерум. Над древней цитаделью взвился флаг России... За взятие Эрзерума генерал от инфантерии Иван Федорович Паскевич удостоился высшей награды Российской империи – ордена Святого великомученика и победоносца Георгия 1-й степени. За победное окончание войны с Турцией в Закавказье Паскевич получил также звание генерал-фельдмаршала.

Дальнейшая военная биография Паскевича сложилась не менее славно. С 1830 по 1850 год Паскевич был царским наместником в Польше. Это назначение было связано с началом Польского восстания 1830—1831 годов. Паскевичу понадобилось всего четыре месяца, чтобы усмирить Польшу. Наградой графу И.Ф. Паскевичу-Эриванскому за победный штурм Варшавы, где он получил контузию, стало возведение его в княжеское достоинство.

Когда в Венгрии в 1848 году вспыхнуло восстание против австрийского господства, император Николай I послал полководца «спасать» австрийского императора Франца-Иосифа. Русская армия из Польши незамедлительно выступила в поход и действовала на двух направлениях – в Венгрии и Трансильвании. Умело маневрируя войсками, генерал-фельдмаршал Паскевич добился сдачи венгерской революционной армии под Вилагошем. Венгры, так успешно сражавшиеся против австрийцев, сложили свое оружие перед русскими.

Крымская война стала последней кампанией для престарелого полководца. В ее начале он был назначен главнокомандующим русскими войсками на западной государственной границе, а в 1853—1854 годах – на Дунае. Во время осады крепости Силистрия 74-летний фельдмаршал получил ранение, от которого уже не оправился.

Можно перечислить еще немало имен тех малороссов, для кого империя была любящей матерью, щедро одаривавшей за проявленные таланты. Вот такая судьба ждала талантливых малороссов, но свидетелю, хоть кол им на голове теши, все равно продолжают ныть об угнетении украинцев в Российской империи.

Страшный запрет. Или не страшный? Или не запрет вовсе...

В длинном ряду припоминаемых свидомитами обид, нанесенных Украине, особое место занимают Валуевский циркуляр и Эмский указ, якобы запрещавшие украинский язык в Российской империи. Это два главных доказательства тех гонений и запретов, которым подвергался украинский язык в Российской империи. По этой теме отметились практически все «свидомые» авторы. Вопрос об этих документах в обязательном порядке входит во все экзаменационные вопросы по истории от школы до университета. Однако, как и все, чем нас пичкают украинствующие, ситуацию с украинским языком стоит воспринимать критически. Поэтому рискнем не поверить господам украинским историкам на слово и самостоятельно попытаемся понять, что же запрещал император Александр и министр Валуев.

Тем более, что в украинских учебниках никогда не приводятся полные тексты документов, хотя в дореволюционный период эти документы неоднократно публиковались и историкам они хорошо известны. Ничего не говорится и о причинах их появления.

Поскольку ни одно государственное решение не принимается просто так, то давайте, во-первых, вспомним, что происходило в то время. Во-вторых, разберемся с сутью указов.

Итак, все ли спокойно было в Российской империи во время Валуевского циркуляра? Оказывается – нет! Как раз в это время поляки подняли очередное восстание и активно пытались разжечь пожар недовольства в Малороссии. Угроза, нависшая над страной, изменила в российском обществе благосклонное до тех пор отношение к недавно возникшему литературно-политическому течению, названному украинофильством. Всю первую половину девятнадцатого века русское общество поощряло произведения на малоросском языке, видя в них интересное культурное явление. Так, еще 1812 году в Петербурге был опубликован первый сборник старинных малоросских песен, а в 1818 году в Москве вышла первая «Грамматика малороссийского наречия», созданная автором великороссом для сохранения народного языка Южной Руси. Покровительство поэтам и писателям, работавшим на народном языке, было всеобщим. В среде русских авторов возникает своеобразная казачья манера, и ярким представителем этого направления был декабрист Кондратий Рылеев. Личность весьма своеобразная, он буквально пьянел от слов «свобода» и «подвиг», что, в конце концов, и привело его на Сенатскую площадь, а затем и на виселицу. В общем, перманентный революционер и борец с тиранией, эдакий Че Гевара своего времени. К сожалению, он оказался талантливым поэтом, и его поэмы и думы (абсолютно лживые с точки зрения исторической достоверности) с воспеванием запорожских казаков заложили основу для творчества последующих украинофилов. А деятельность декабристов в Малороссии привела к возрождению уже забытого казачьего автономизма, в этот раз восставшего из гроба в виде украинского движения. Но даже разгром декабристов не остановил увлечение Малороссией в русском обществе. Только восстание в Варшаве открыло глаза русскому обществу на деятельность украинофилов. Так, редактор газеты «Московские ведомости» М.Н. Катков за несколько лет до польского восстания собирал средства для изданий на малоросском наречии. Но теперь, видя, как украинофильство используется в качестве орудия польской политики, выступил с предостережением по адресу украинофилов. Он писал: «Года два или три тому назад вдруг почему-то разыгралось украинофильство... Оно разыгралось именно в ту самую пору, когда принялась действовать иезуитская интрига по правилам известного польского катехизиса... Мы далеки от мысли бросать тень подозрения на намерения наших украинофилов. Мы вполне понимаем, что большинство этих людей не отдают себе отчета в своих стремлениях... Но не пора ли этим украинофилам понять, что они делают нечистое

дело, что они служат орудием самой враждебной и темной интриги, что их обманывают, что их дурачат?»

В самой же Южной России, где общественность лучше ориентировалась в ситуации, еще до начала польского восстания многие авторы предупреждали об опасности действий украинофилов, об их пропольской деятельности. В издававшемся в Киеве историко-литературном журнале «Вестник Юго-Западной и Западной России» писалось в 1862 году: «Не книги малороссийские, а эти слепые усилия навязать нам вражду к великорусскому племени, к церкви, к духовенству, к правительству, т. е. к тем элементам, без которых наш народ не избег бы снова латино-польского ига, заставляет нас же, малороссов, негодовать на некоторых любителей малорусского языка, сознательно или даже и бессознательно превращающихся в сильное орудие давних врагов Южной Руси».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.